

The background of the book cover is a photograph of a branch heavily laden with clusters of bright red berries, possibly hawthorn or dogwood. The berries are covered in a light dusting of white snow. The branches are dark and bare, creating a complex web against a clear blue sky. The overall mood is cold and wintry.

16+

Ирина Енц

Волчья песня

Книга первая

Ирина Енц
Волчья песня

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Енц И. Ю.

Волчья песня / И. Ю. Енц — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Ох, не женское это дело!!! Ольга сначала, пытаясь убежать от своего прошлого, пошла работать в глухом таежном углу егерем. А, потом, и вовсе, посыпались на ее голову таинственные, загадочные, а порой, и смертельно опасные происшествия. Найденный полумертвый волчонок, вырос в красивую волчицу, оказавшуюся верным и преданным другом. А, дела давно минувших дней, неожиданно, проявились в виде трупа неизвестного мужчины, чуть ли не на пороге дома, стоявшего на заимке, где поселилась Ольга. Как выпутаться из всего этого? Кто друг, а кто враг? Сложные вопросы, опасные приключения, вновь обретенные друзья и враги ... Лишь малая толика того, что предстоит испытать героине.

© Енц И. Ю., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	34
Глава 13	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ирина Енц

Волчья песня

*Волчья преданность мне по нутру,
Для меня это действие свято.
Положи на меня поутру
Две мохнатые сильные лапы ...
(Инна Костяковская)*

Пролог

Логово было просторным, сухим и уютным. Четыре волчонка возились во сне, тихонько поскуливая и перебирая лапками. Им снилась большая охота. И они, взрослые волки, загоняли добычу. Мать лежала у входа, настороженно вслушиваясь в ночные звуки и шорохи леса, сторожко поводя ушами. Время от времени поворачивая свою морду в сторону логова, где беспокойным сном спали три сына и дочь.

Август месяц самый сытный месяц для волков. Добыча спокойная и неповоротливая, накопившая жирок за лето, готовясь к осени и долгой лютной зиме. Мать-волчица сегодня ночью удачно поохотилась. И теперь, лениво и сыто лежала возле норы, прислушиваясь к слабому повизгиванию своих волчат. Вдруг, ее что-то насторожило. Запах, тревожный и неприятный. Пахло дымом. Она вскочила и забегала вокруг норы, пытаясь определить, откуда пришел этот запах. Где-то горел лес. Пока еще далеко, очень далеко. Но, уж если потянуло запахом дыма, значит огонь скоро придет сюда. Волчица забралась в нору и стала по одному вытаскивать волчат за шкуру. Они не хотели просыпаться, и недовольно сучили в воздухе лапами повизгивая. Не обращая внимания на их капризы, мать вытащила последнего, и тихонько зарычала, носом подталкивая их прочь от норы. Надо отступать к реке. Там, по бобровому мосту можно перейти на ту сторону. За рекой у них будет шанс спастись. И она повела их к реке.

Она их гнала по лесу беспрестанно оглядываясь назад. На горизонте уже было видно зарево приближающегося огня. Дым забивал ноздри, перебивая остальные запахи леса. Рядом затрещали кусты, перепуганная косуля, выскочив прямо на волчье семейство из зарослей ракитника, с ужасом шарахнулась в сторону. Но, волчице сейчас было не до нее. Огненное перемирие. Все были равны перед разгневанной стихией. Мать схватила за шкуру сразу двух волчат, и большими скачками понеслась в сторону реки. Рев ее бурного течения уже был слышен. Оставшиеся двое сразу испуганно прижались друг к другу, озираясь и поскуливая.

Волчица выскочила на берег, оставила там волчат, принесенных в зубах, тихонько рыкнула им что-то, и тут же бросилась обратно. Вскоре все семейство стояло перед несколькими бревнами, сваленными бобрами и принесенные сюда бурным течением. Стволы поваленных деревьев зацепившись за камни, были очень ненадежным мостом. Но, другого не было. А волчатам не переплыть реку с таким сильным течением. И ей их не удержать даже по одному. Поэтому надо переходить по бревнам. Они были скользкими, вода то и дело захлестывала их. Волчица поставила лапу и тихо заскулила, призывая волчат следовать за ней.

Мать уже была на том берегу, а волчата все еще перебирались на трясущихся лапах по скользким бревнам, повизгивая от страха. Когда уже почти все достигли берега, большая волна захлестнула последнего волчонка, играючи сметая его с мокрого дерева. Мать заметалась по берегу, но водоворот уже затянул волчишку в глубину, принимая от леса первую жертву. Над рекой, перекрывая шум и грохот бурного потока, разнесся тоскливый волчий вой.

Глава 1

– Егерем? Вы хотите устроиться на работу егерем? Я правильно вас понял?

Глаза у директора охотхозяйства удивленно округлились, лохматые брови взлетели на недостижимую высоту. О таком попросту говорят, «глаза на лоб полезли». Я ожидала чего-то подобного, поэтому вполне спокойно отнеслась к его эмоциям.

– А что, у вас нет вакансии? В управлении мне сказали, что у вас уже полгода пустует место егеря. Или, эта информация устарела и у них неверные сведения? – невинным голосом поинтересовалась я.

Директор аж поперхнулся. А потом, смущенно забормотал:

– Да, нет ... Сведения верные. Но ... Я никак не ожидал ... Да, и работа тяжелая. И в снег, и в зной, как говорится ...

Он старался не смотреть на меня. Потом быстро поднял глаза. И под моим ласковым взглядом совсем смутился и замолчал. Если бы я не стояла напротив его стола, загораживая дверь в маленьком кабинете, он бы, наверное, уже сбежал. Рука протянулась к графину, он, стуча горлышком о край стакана, налил воды, и залпом осушил ее в несколько глотков. Как видно, вода оказала на него благотворное влияние, потому что, продолжил он уже более уверенно.

– А почему, собственно, вы решили устраиваться к нам на работу? Да, еще на такую странную должность для женщины, для молодой женщины? – Уточнил он, как будто, это имело основное значение.

Он, все же, опять смутился, и отвел взгляд, предпочитая рассматривать мои документы, лежавшие перед ним на столе.

– Вон, я вижу, и образование у вас высшее. Да и последняя занимаемая должность, я бы сказал, вполне впечатляет. Такая молодая, а уже главным лесничим работали.

Все эти бесконечные «что», да «почему», меня уже порядком утомили. Поэтому, сурово нахмурившись, я спросила:

– Так вам нужен егерь или нет?

Тут, вдруг, всякое смущение пропало с его лица. Он посмотрел на меня проницательно.

– Да, нам егерь нужен. Но, вы же должны понимать, коль работали в нашей системе. Точнее, в смежной системе. – Поправился он. – Это работа не для женщин. Кругом тайга. Дикое зверье. Да и браконьеры, бывает шалят. И жизнь здесь совсем не городская. Сможете ли? Опять же, оружие у нас выдают, положено.

Я опять ласково ему улыбнулась. Увидев мой оскал, он слегка дернулся. Но, отступить было некуда, и он просто поерзал на стуле.

– А вы характеристики мою внимательно почитайте. Может тогда и вопросов у вас не возникнет. – Посоветовала я.

Директор углубился в чтение. С каждой новой строкой, его брови поднимались все выше и выше. Дочитав до конца, он с шумом выдохнул воздух, налил себе еще водички, выпил ее, и только тогда заговорил вновь.

– Ну, что ж ... Впечатляет ... Тут написано, что вы участвовали в тушении лесных пожаров, ездите на любой технике, и отменно стреляете. Это верно? – Опять уставился он на меня.

– Ну, раз написано, значит, верно. – Слегка усмехнулась я.

– Впечатляет ... – Опять пробормотал он. – Вполне, так сказать, впечатляет. Не пойму только одного, почему вот с такими документами, – Он выразительно постучал пальцем по моей трудовой книжке. – Да в егеря решили податься?

Я тяжело вздохнула.

– Почему-то, мне кажется, что к делу это не имеет ни малейшего отношения.

– Ну да, ну да ... Что ж, дело, как говорится, ваше. Считайте, что вы зачислены в штат. Приказ по предприятию выйдет завтра. Обход можете принимать тоже с завтрашнего дня. Только, вот, с жильем пока неувязочка вышла. Жить придется в общежитии. Дом новый не строим, потому, как егеря сбегают.

– Так, может, потому и сбегают, что новый не строите? – Усмехнулась я.

Директор опять нахмурился. Как будто, не услышав моего едкого замечания, он, как ни в чем не бывало продолжил.

– Есть, правда, один дом. Добрый, крепкий. Там старый егерь жил. Четыре года, как помер. А новые егеря туда заселятся не спешили.

– А чего так? – С любопытством спросила я.

– Так, дом тот, в пяти километрах от деревни стоит, совсем один. Там в старые времена, купеческая заимка была. Жил тут у нас один купец при царе. Говорят, богатый был несказанно. Золотишко промышлял. Когда Советская Власть в эти края пришла, так он в тайгу подался. Сколотил банду, да и озоровал по округе. Таинственная история, должен вам сказать. – Слегка увлекся он. Чувствовалось, что история сия его занимала чрезвычайно. Потом, опомнившись, продолжил уже по делу. – Так вот, заимку то его спалили, а этот дом, видно, сторожу принадлежал. Так вот он, целехоньким остался. А дом добротный, на каменном фундаменте, с вековых сосен срублен. Но, удобств никаких, сами понимаете, тайга.

Я опять вздохнула.

– Вода там есть?

– В смысле, водопровод? – Попытался он изобразить дурачка.

Я пресекла все его попытки поиграть в дремучего таежного жителя.

– В смысле, колодца. – Сурово заметила я, пристально глядя ему в глаза.

Его это нисколько не смутило. И он, вполне добродушно закивал головой.

– Ах, колодца! Конечно! И колодец есть, и банька имеется.

Я тяжело опустила ладонь на столешницу, ставя точку в разговоре.

– Тогда мне это подходит!

Но, отделаться от него так просто не получилось.

– Вы бы, Ольга Викторовна, – Заглянув в мои документы, ехидно произнес он. – Сперва бы посмотрели. Дом то обветшал. Кое-какой ремонт требуется. Да, и от деревни далеко.

Смирившись с неизбежным, я вздохнула.

– Знаете, Леонид Егорович, – в тон ему ласково проворковала я, – Меня это не пугает. Если понадобится, с материалом поможете?

Ему, как видно, тоже уже надоели все эти препирательства, поэтому, еще разок глотнув водички, он закончил.

– А, как же. И с материалом поможем, и транспортом обеспечим. У нас егерям транспорт положен. Только, я не уверен, справитесь ли с таким транспортом. – Он лукаво посмотрел на меня. – А, то, может откажетесь еще. Я смотрю, вон у вас и своя техника имеется. – Он кивнул в сторону окна.

У крыльца красовался, посверкивая зелеными боками трехколесный мотоцикл «Урал».

– Я с любым справлюсь. – Опять ласково улыбнулась я ему, и вышла за дверь.

С усмешкой подумала, что просто мне здесь не будет. Ну, так я и не хотела просто. Чем сложнее, тем лучше. Меньше времени останется для дурных мыслей и воспоминаний.

Глава 2

Выйдя из кабинета директора, я попала в большую комнату, где стояло несколько деревянных столов и большой металлический сейф времен штурма Зимнего. Замызганные окна пропускали мало света. Судя по всему, никто и никогда не озадачивался их чистотой. За одним из столов сидел маленький невзрачный мужичок в черном мундире с зелеными петлицами. На голове, лихо сдвинутая фуражка с кокардой, из-под которой торчали всклооченные волосы. Нос картошкой, лицо, загоревшее до черноты, сеточка морщин у лукавых глаз.

При виде меня, мужичок поднялся из-за стола, загрохотав стулом, и протянул руку, на которой отсутствовало два средних пальца.

– Я, это ... Михалыч. В смысле, Петр Михалыч.

Я протянула руку, и он ее крепко, по-мужски пожал.

– Ольга Викторовна. Можно, просто Ольга.

Мужичок мне нравился. Такие вот мужички, не жалея себя, бросались в самое пекло во время пожаров, чтобы вывести людей из горящих деревень или спасти котенка. Не смотря на ворчливый нрав, на них всегда можно было положиться в любой тяжелой ситуации. Про них писали множество классиков, называя их «соль земли».

Михалыч окинул меня заинтересованным взглядом с ног до головы, и удовлетворенно крякнул.

– Ну, что ж, будем вместе работать. Меня Егорыч попросил проводить тебя на Игнатов кордон. Правда, что ль, ты там жить собралась?

Я улыбнулась.

– Правда.

– Ну, ну ... – Покивал он головой. – Тогда, поехали.

Мы вышли на крыльцо. Возле моего мотоцикла уже кружила стайка ребятишек, а две бабы сидели на скамейке и усиленно делали вид, что не смотрят в нашу сторону. У коновязи рядом был привязан грустный конек соловой масти. Несмотря на свой возраст, в нем чувствовалась былая стать и порода.

– Откуда такое диво? – Восхищенно спросила я.

– Да, это ... Положено нам, егерям. То есть, транспортная единица, так сказать. – Хитро прищурясь, заявил Михалыч.

– Я знаю, что положено. Только вот больно уж породистая.

– Так, у нас в давешние времена здесь конезавод был. Еще до войны. Так таких рысаков выводили ... На скачках в самой Москве призы брали. Вот, от них и расплодились. – С гордостью поглаживая коня по белой гриве, сказал он. – Тебе тоже конь положен. Как обустроишься, пойдем на конюшню, сама выберешь. Ну, что, поехали, что ль, хоромы посмотришь?

Согласно кивнув, я завела своего железного коня, чем распугала стайку мальчишек. Михалыч по-молодецки запрыгнул в седло. Я только головой покачала. Не каждый молодой так сможет. Он поехал степенно впереди, я на малой скорости за ним.

Песчаная дорожка была довольно сильно накатана. Вокруг стеной стоял сосновый лес. Мне очень хотелось остановиться, поклониться деревьям в пояс, и лечь в душистые травы навзничь, раскинув руки, и смотреть на проплывающие в бесконечной голубой сини белые облака. Но, сейчас было не время. И я продолжала тихонечко тархтеть за Михалычем в глубь леса.

Вскоре дорога разветвилась. Накатанная уходила вправо, а влево шла небольшая, сильно заросшая высокой травой и папоротником, больше похожая на тропинку. Минут через десять, она привела нас на огромную поляну, затянутую крапивой и разросшимся малинником. На самом краю стояла большая изба. Директор не обманул. Дом был добротный. Фундамент сло-

жен из лесного серого камня. Бревна, из которого он был сложен, огромной толщины. Сейчас уже из такого леса дома не строили. Стены почернели от обильных дождей, между бревен виднелся зеленый мох. Крыша добротная, покрыта крашенным в зеленую краску железом. За последние годы, краска местами облупилась. Но это было не страшно. Высокое крыльцо с резными столбиками, слегка просело от времени и неухоженности. Рядом с домом слева, стояла покосившаяся сараюшка. Напротив нее торчал сруб колодца со старым воротом с цепью, большим цинковым ведром, и небольшой крышей над ним. А рядом красовалась маленькая банька, срубленная из бруса. Было видно, что баню поставили не так давно.

Михалыч слез со своей соловой, и направился напрямик на крыльцо, гремя ключами. Я пошла следом, с интересом оглядываясь. Тяжелая дверь закрипела, и я шагнула в прохладный сумрак дома. Воздух затхлым не был, несмотря на долгое отсутствие хозяев. Дом был небольшой. Из сеней сразу был вход в комнату с русской печкой-барыней посередине. Дощатый стол, две лавки. Вот и вся мебель в горнице. За печкой, притулилась маленькая кухонька, с прибитым умывальником и проржавевшим тазом под ним. Я прошла дальше, и увидела еще одни двери, ведущие в небольшую спальню. У стены стояла большая панцирная кровать, с никелированными шариками на спинках. Воспоминание моего детства у бабушки в деревне. Слева у двери большой тяжелый комод из вишневого дерева. Я ахнула. Старинная работа резьбы по дереву притягивала взгляд. Мастер изобразил на ящиках сцены волчьей охоты. Я с восторгом провела по сухому полированному, чуть треснутому, с облупившимся лаком, дереву рукой. Обернулась к Михалычу, который сидел на лавке в большой комнате.

– Откуда такое чудо?

– Это? – Он пренебрежительно махнул рукой. – Это старье видно из купеческого дома. Я только головой покачала.

– Ну, что? Остаешься? – С интересом спросил старый егерь.

Я кивнула головой.

– Конечно.

– Ну тогда, принимай хозяйство! – Довольно проговорил он, протягивая мне ключи. – Этот вот от дома. А этот вот от бани. – Принялся объяснять он очевидные вещи. – Помочь вещички разгрузить? – Кивнул он на мотоцикл, из люльки которого выглядывал мой нехитрый скраб.

– Да, нет. Сама управлюсь.

Чувствовалось, что уходить он не торопился, потому как, очень было любопытно узнать как можно больше, чтобы потом со вкусом все живописать односельчанам.

– Как ты здесь ночевать собираешься? Ни матраса, ни подушек. Электричество только завтра подключат. И посуды никакой нету.

– Обойдусь, как-ни будь. – Беспечно махнула я рукой. – Михалыч, а магазин у вас тут какой хозяйственный имеется? Ну, гвозди там, инструменты?

– А как же, и не один. – С гордостью проговорил он. – У нас деревня большая. Если хочешь знать, ее еще батюшка купца нашего, Пантелеймон, поставил. В честь него и назвали, Пантелеево. А золотишко они тут недолече добывали. Сейчас, конечно, закрыт прииск то. – Принялся он с удовольствием рассказывать.

– А чем же люди здесь занимаются, раз прииск закрыт? – Поинтересовалась я

– Так у нас тут нашли какую-то особую белую глину. Говорят, таких залежей очень мало. Чистый фарфор, не глина. Фабрику поставили. Теперь вот всякую посуду делают.

Продолжая слушать его объяснения, я вышла из дома и принялась разгружать мотоцикл. А Михалыч продолжал путаться под ногами, не переставая рассказывать о местном быте. Увидев, как я достала из люльки карабин в чехле, уважительно спросил.

– Ружье?

– Нет, карабин. – Усмехнулась я.

Глаза у него округлились.

– Поглядеть то можно? – Осторожно спросил он.

– Отчего ж нельзя? Можно. За погляд денег не берут! – Расчехляя свою драгоценность, проговорила я.

У Михалыча округлились глаза еще больше.

– Так это же ... – Задохнулся от восторга он. – Это же настоящий «медведь»! – Бережно погладил отполированный приклад. – Твой?

Я рассмеялась.

– Конечно, мой! Подарок от друзей, на память. – Пояснила я, показывая на гравировку на прикладе.

– Дорогой подарок – выдохнул он.

– Дружба, она цены не имеет. – Усмехнулась я.

Вскоре все вещи были перенесены в дом. И я опять завела мотоцикл, собираясь ехать в деревню. Михалыч взобрался на свою лошадку, которая оказалась конем, носившего вполне прозаическое имя «Зайчик».

– Давай за мной. Я тебе сейчас все покажу.

Глава 3

Хозяйственный магазин, к моему удивлению, был достаточно большой. Товар на полках радовал своим разнообразием. Особенно поражала полка с фарфоровой посудой, как я поняла, изделиями местной фабрики.

Продавщица, дородная тетка, ласково мне улыбалась, и ненавязчиво расспрашивала, кто я, да откуда. Отвечая на незамысловатые вопросы, я потихоньку нагружала необходимыми вещами большой фанерный ящик, выделенный Софьей Ивановной, как звали продавщицу. Узнав, что я буду жить на Игнатовой заимке, она испуганно перекрестилась, и посмотрела на меня круглыми глазами.

– А не боязно одной то? – Почти шепотом спросила она.

– А чего мне бояться? Зверья я не боюсь, а лихих людей Михалыч сказал, что у вас тут не водится. – Ответила я, пристально глядя на тетку.

– Так-то оно так ... – Закивала та головой. – Только место это дурное. Проклятое место это. – Перешла она на зловещий шепот.

Я только плечами пожала.

– Я не верю в разные проклятия.

Софья Ивановна нахмурилась и поджала губы.

– Старые люди зря не скажут. – Наставительно произнесла она.

На этом наш разговор был закончен. Вскоре, сильно облегчив мой кошелек, я вышла на крыльцо вместе с коробкой, доверху забитой всяким скрабом.

– А универмаг у нас через два дома отсюда. – Прокричала мне вслед она.

Я кивнула головой, и помахала на прощание рукой. В общем, расстались мы довольные друг другом.

Вернулась я на кордон уже после обеда, практически потратив основную часть своих сбережений. Но, я не жалела. Разгрузив добро, я принялась за инспекцию своей территории.

Заглянула в покосившуюся сараюшку, и обнаружила там небольшой столярный самодельный станок и кое-какие полезные для хозяйства инструменты. В углу, подо всяким хламом, я обнаружила чудо. Ведерный пузатый самовар. В самом центре был выгравирован замысловатый вензель из заглавных букв «И», «П» и «Н». Надо полагать, инициалы купца Игнатова, хозяина здешних мест и этой самой заимки. А поверху полтора десятков медалей и клеймо: «Иван Капырзин. Тула». Вытащив это дивное-диво на улицу, я как следует его рассмотрела, и удовлетворенно кивнула сама себе. Самовар был в рабочем состоянии. Только требовал тщательной чистки.

Оставив самовар возле колодца, я еще немного покопалась в сараюшке, обнаружив вполне добротный топор и литовку. Вещи в хозяйстве были необходимые и полезные. Еще я обнаружила большое оцинкованное ведро. Выбрала из ветоши несколько тряпок, я отправилась к колодцу. Достала воды. Пригубила прямо из ведра. Зубы заломило от холода. Плеснула несколько пригоршней в лицо. Колодезная вода приятно холодила кожу.

Набрав ведро воды, и захватив тряпки, я отправилась совершать трудовой подвиг. До самого заката я работала не покладая рук. Вымыв крыльцо, я уселась на него, удовлетворенно поглядывая на чистые стекла окон, отражающее алое пламя заката. Вспомнила, что в углу сараюшки видела небольшую поленицу дров, как видно оставшуюся от старого хозяина. Натаскала воды в баню и растопила ее. Потом, из ящика, привезенного из хозмага, достала керосиновую лампу и бутылку керосина, памятуя о том, что электричество подключат только завтра. Постелив новый матрас с подушкой, застелила чистое белье. Принесла охапку дров и затопила плиту, поставив на нее чайник. К тому времени, баня была уже готова. Захватив чистое полотенце и мыло, отправилась мыться. Баня получилась жаркая. Залезла на помытый полук,

и поддала ковшиком отвара из березового веника, наломанного неподалеку. Душистый пар заполнил баню, и я расслабленно легла и блаженно закрыла глаза.

Через час, разругавшись и довольная проведенным с пользой днем, я пила из большой фарфоровой чашки, расписанной яркими цветами, ароматный чай из трав. Керосиновая лампа горела ровным розоватым пламенем. А мысли мои крутились вокруг слов продавщицы. «Проклятое место это ...». Надо будет расспросить местных жителей, что такого-этакого связано с этим местом, что его называют проклятым. Я не боялась ничьих проклятий, не веря во всю эту чертовщину. Закрыв дом на щеколду, я повалилась в объятия мягкой кровати, напоминая себе, что завтра мой первый рабочий день на новом месте. В печке догорали, потрескивая, дрова. Вдруг, за печью раздалось треньканье сверчка. «Добрый знак. Хозяин в доме появился», – было последней моей мыслью перед тем, как провалиться в сон.

Проснувшись я, как от толчка, сразу открыв глаза. Вокруг царил темнота и тишина. В окно было видно звездное небо. Я лежала и прислушивалась к своим ощущениям. Было такое чувство, что на меня кто-то смотрит очень пристальным взглядом. Не делая никаких резких движений, я осторожно огляделась. В доме, по-прежнему, царил тишина. Осторожно сев на кровати, я поморщилась от скрипа панцирной сетки. Прислушалась к своим ощущениям. Тревога исходила с улицы. Не торопясь, встала, дотянулась до карабина, стоявшего рядом с кроватью. Проверила, заряжен ли. Руки все делали автоматически. Осторожно ступая, подошла к двери и нащупала в темноте задвижку на двери. Вчера, заботливо смазанная машинным маслом, она открылась совершенно без звука. Вышла на крыльцо и внимательно принялась оглядываться. Никого. Только белые клочья предрассветного тумана, как кисейный шарф, шлейфом тянулся по самым макушкам трав. Ни каких посторонних звуков. Только привычные шорохи леса. Вернулась в дом и запалила фонарь, прозванный в народе «летучая мышь». Спустившись с крыльца, осторожно, чтобы не упасть, стала обходить дом по кругу. Это было не очень просто сделать. Так как вся территория вокруг дома плотно заросла крапивой. Я уже собралась выдохнуть с облегчением, попеняв себе на излишнюю чувствительность, когда кое-что, привлекло мое внимание. Прямо под окнами моей спальни крапива была примята. Как будто, совсем недавно под окном кто-то стоял.

Глава 4

Рассвет я встретила сидя на крыльце. Не скажу, что факт пребывания неизвестной личности под моими окнами меня сильно встревожил. Скорее всего, кто-то из деревенских просто проявил любопытство. Хотя, место и время, на мой взгляд, выбрали самое неподходящее. Просто, сон после моих ночных прогулок никак не хотел возвращаться ко мне. Когда первые лучи начали золотить верхушки деревьев, я решительно встала, взяла полотенце и пошла к колодцу. Достала ведро воды и сразу вылила его себе на голову. Чистая живая вода взбодрила меня, придав силы и просветляя мозги. Как следует растеревшись жестким вафельным полотенцем, я быстрой трусцой побежала к дому, взлетела на крыльцо и поклонилась восходящему светилу. Какая-то несказанная радость охватила все мое существо. Не в силах больше держать ее в себе я рассмеялась в голос и крикнула так, что эхо пошло гулять по поляне.

– Здравствуй, солнце!!! Сегодня я начинаю новую жизнь!!!!

Солнце, по понятным причинам, мне не ответило. Но, мне показалось, что лучи его приветливо заскользили по моей коже, даря свои тепло и ласку.

Быстро позавтракав, я завела своего верного коня и поехала в деревню. На подъезде я встретила стадо коров, бодро шагающих мне навстречу. Сзади них, на пятнистой лошадке ехал мальчишка лет тринадцати с рыжими вихрами и носом, усыпанным конопушками. Он с независимым видом, лениво покачивался в седле и периодически пощелкивал бичом, подгоняя нерадивых буренок, старавшихся захватить на ходу пучок травы с обочины. Я притормозила, пропуская стадо. Поравнявшись со мной, молодой пастушок с достоинством, свойственным всем деревенским пацанам, рано начавшим зарабатывать, помогая родителям, поклоном головы, поприветствовал меня. Я ответила приветливым «здравствуй», и поехала дальше, чувствуя, как он смотрит мне вслед. Что поделаешь, деревня. Здесь все про всех знают. Любое новое лицо вызывает живейший интерес.

Вскоре я остановилась перед дверями конторы. У коновязи заметила Зайчика, коня Михалыча. Значит, старый егерь уже здесь. Поднялась по ступеням крыльца, и в дверях столкнулась с Леонидом Егоровичем, директором охотхозяйства. Вид он имел озабоченный. Налетев с разбегу на меня, он чертыхнулся. В глазах стояло недовольство и читалось: «ходят тут всякие». Потом мелькнуло узнавание, и он бурчливо проговорил, незаметно переходя на «ты».

– Ну, что? Устроилась?

Я просто кивнула головой.

– Ну, вот, и ладненько. А меня в управление срочно вызывают. Буду дня через три.

Я вопросительно уставилась на него.

– А как же обход принимать? Вы же сказали, с сегодняшнего дня ...

Он отмахнулся от меня, как от надоедливой мухи.

– Успеется. Тем более, что охотоведа пока нет. Отпросился на пару дней. Что-то там у него дома случилось. Не то в армию племянник уходит, не то еще что-то. Так что, обустройся. Время есть. А Михалыч, если что, подсобит. Он тут все знает. Так что ты не стесняйся. Мы о кадрах заботимся. – Бодро закончил он.

В это время, как раз подъехал, разгоняя на пыльной дороге кур, издававший виды УаЗик. Директор резво сбежал с крыльца. Хлопнула дверца, и только пыль завихрилась вслед за удаляющейся машиной.

Потоптавшись на крыльце еще немного, я пожала плечами. Ну, устраиваться, так устраиваться. Открыла скрипучую дверь, и зашла в контору. Михалыч сидел на прежнем месте и воевал с ящиком деревянного стола. Увидев меня, радостно заулыбался.

– Здорово, Викторевна! – Гаркнул он так, что задребезжали немытые стекла в деревянных оконных рамах. – Ну, что, обустроилась? Как ночевала? Поди, женихи снились на новом

то месте? – Лукаво прищурившись проговорил он, уже более тихим голосом. – А, у нас тут, гляди, все начальство в разбеге. Считай, мы с тобой на всем хозяйстве вдвоем и остались.

Я уселась на край свободного стола, и поинтересовалась:

– Почему только двое? А где же еще два егеря?

– Так они ж не здесь живут, не в Пантелееве. Один, Игнат, тот в Хворобине, это километров за пятнадцать отсюда будет. А Николаич в другой стороне, у самой реки живет в Овинникове. – С удовольствием объяснил он.

Чувствовалось, что, нечаянно доставшаяся роль главного управителя, ему очень нравилась.

– Ну, что, пойдем смотреть тебе транспортную единицу?

Я согласно кивнула, мол пойдем. Мы вышли из конторы и Михалыч повел меня на зады, где и располагалась конюшня. Еще на подходе, я услышала громкое ржание лошади.

– Во, слыхала? – Поднял он указательный палец. – Опять Матильда дуркует. Ни один конюх с ней управится не может. Под седлом не хочет ходить. – Начал он загибать оставшиеся на правой руке пальцы. – В телегу запряжешь, так намаешься. Что с ней делать, ума не приложу. Уж было собрались на живодерню сдавать. Почто такая лошадь, коли пользы от нее никакой. Зря только корм переводить. Так больно красивая, падлюка, одно слово «порода»! Решили, вот покроется, ожеребится, а там и поглядим. – Немало не печалась о судьбе неведомой мне Матильды, продолжал с удовольствием рассказывать он.

Я прервала его излияния вопросом.

– Михалыч, а где достать извести и белой глины? Печку хочу подмазать, да побелить.

Он весело хрюкнул.

– Так это и вовсе не проблема. Я тебе мигом притащу.

Тем временем, мы подошли к конюшне, добротно построенной из крепких сосновых бревен с большими тесовыми воротами. Молодой парнишка, лет 17, сидел у самого входа на куче старой сбруи и нещадно матерился, не стесняясь в выражениях, потирая лодыжку. Завидя Михалыча, он начал возмущенно орать.

– Михалыч!!! Так ее раз так!!! Я эту падлу пристрелю когда -ни будь!!! Все жилы она с меня вытянула, курва такая!!! – Но, увидев меня, сразу осекся и открыл рот.

Михалыч, донельзя довольный произведенным эффектом, солидно произнес.

– Вот, Митяй, знакомься. Это Ольга Викторовна. Наш новый егерь. Будет жить на Игнатовой заимке. – Произнес он со значением. – Прислал директор. Велел коня ей подобрать.

У Митяя рот открылся еще шире от удивления. Но, я этого уже не замечала. Я вообще уже не замечала ничего, кроме великолепной лошади игреневого масти. Таких лошадей я еще в своей жизни не видела никогда. Статное грациозное создание рыжевато-бурого окраса с гривой и хвостом цвета загустевших сливок. В солнечных лучах, падающих из небольших окон конюшни, она искрилась и переливалась, как драгоценная парча, накинутая на плечи восточной красавицы. Из ошоломленного состояния меня вывело чье-то покашливание. Я медленно повернулась и увидела довольную, хитроватую физиономию Михалыча. Он с гордостью произнес:

– Вот это и есть наша Матильда ...чтоб ее!!!! – Добавил он немного не впадет предыдущей гордой фразе.

– Михалыч ... А я могу ЕЕ взять? – спросила я с придыханием. Тут уж оба и Митяй и Михалыч посмотрели на меня в полном обалдении. Михалыч отошел первым (вот что значит опыт).

– Викторовна, ты чего? С ума сбрендила?! Да, ты посмотри на нее! Она ж даже погладиться не дается. Мы ее заседлать и то не можем. Она ж тебя зашибет сразу!

Но, я его уже не слушала. Только заглянув Матильде в глаза, где я увидела собственное отражение, я уже точно знала. Мы созданы друг для друга. Я протянула руку, и как заворо-

женная пошла к лошади. Она дернула головой и фыркнула. Митяй отпрыгнул от нее на значительное расстояние, и глядел на меня широко открытыми глазами. А я продолжала медленно подходить, пока не коснулась шелковистой шкуры на морде лошади. Стала ее тихонечко поглаживать и шептать какие-то ласковые глупости.

– Девочка моя ... Красавица. Замучили тебя тут совсем. Ну ничего, скоро и у тебя начнется новая жизнь. Мы с тобой работать будем. Я тебя водой колодезной буду поить. Отборным овсом кормить. Холить и лелеять буду. Девочка, хорошая ...

Лошадь стояла спокойно, доверчиво подставляя морду под ласковое поглаживание. Другой рукой я достала из кармана заранее приготовленный кусочек сахара и протянула Матильде на ладони. Она взяла его осторожно бархатными губами, и принялась хрумкать.

– Сколько живу, такого еще не видел ... – Прошептал позади меня Митяй с восторгом. А я про себя, с усмешкой подумала, что в его то годы это не мудрено.

Михалыч, сдвинув фуражку на затылок, только покачал головой и протянул:

– Да-а-а ...

Не поворачивая головы, я проговорила, обращаясь к Митяю:

– Седло тащи.

Митяй метнулся в глубину конюшни, стараясь обойти Матильду стороной, и через минуту явился обратно, неся кожаное седло. Попытался подойти к лошади, но Матильда захрюкала, дернув головой, и конюх, бросив седло мне под ноги, отскочил на безопасное расстояние.

Оседлав кобылу, я осторожно вывела ее под уздцы наружу. Митяй с Михалычем распластались по стенкам, когда я проводила лошадь мимо них. Вскочив в седло, я тихонько тронула ее бока пятками, и она пошла ровной рысью. Бесконечное чувство свободы охватило меня. И я поняла, как ощущают себя птицы, парящие в небе.

Глава 5

Я даже не почувствовала, как мы оказались около моего нового дома. Только соскочив с лошади, я поняла, что мотоцикл остался у конторы в деревне. Не успела я озадачиться тем, как доставить мое транспортное средство обратно, как услышала звук работающего двигателя. И вскоре увидела Михалыча, лихо заруливающего на поляну верхом на моем «Урале». Чуть поотстав, за ним выбежал Зайчик и встал рядом с Матильдой. Кобыла раздраженно заржала и начала трясти головой, выражая тем самым свое недовольство таким соседством. Михалыч, с довольной улыбкой, слез с мотоцикла и похлопал его по зеленому боку.

– Хорошая техника. – Заявил он с умным видом.

Я обрадованная тем, что моя проблема решена, проговорила.

– Ой, Михалыч, спасибо!!! А скажи мне, пожалуйста, почему «Матильда»? Кто такое имя придумал?

Михалыч, почесав нос, задумчиво проговорил:

– Дак, зоотехник у нас был. Шибко романы любил всякие иностранные читать. Вот, он и назвал.

Потом оглядев поляну, проговорил:

– Да-а-а ... Работы тут непочатый край! Сама то справишься?

Я усмехнулась.

– Справлюсь, Михалыч. Ты мне только извести с глиной привези, как обещал. Да, под-скажи, как дров выписать. Тут есть маленько, но надолго их не хватит.

– Да, это мы мигом! Не бойсь!! – Бодро заявил он, заскакивая в седло.

Через мгновение только затихающий стук копыт указывал на то, что здесь кто-то был.

Расседлав Матильду и напоив ее водой, я отпустила ее пастись на поляне. А сама взялась за литовку. Поправляя лезвие оселком, с удовольствием отметила, что кована она еще была при царе-Горохе. Добрый металл отзывался хрустальным звоном на прикосновение точильного камня. Литовка ходила по зеленой траве, как острый нож по мягкому маслу. «Вжик-вжик!» – И зеленое воинство падало, склонив головы в ровные рядки. Я уже обкосила весь дом и баньку с сараюшкой, когда услышала гудение трактора. Вскоре на поляне, гроыхая телегой и пыхтя выхлопами, появился старый тракторишка с прицепом. Радостный Михалыч скакал сзади.

– Вот, смотри!!! Сколько я тебе всякого добра привез!!! – Слезая с коня с восторгом прокричал он.

Тем временем из трактора вылез мужичок в засаленной спецовке. Подойдя, он солидно протянул мне руку, здороваясь.

– Петрович!! – Заголосил старый егерь. – Выгружай! Тебе еще на конюшню овес доставить надо со склада.

Петрович недовольно крикнул и проворчал, что-то себе под нос, типа: «Нашелся еще один начальник на мою голову». Но, разгружать трактор отправился. Сначала, залез в кузов и, крикнув Михалычу: «Держи!», стал подавать ему мешки. Тот, отдуваясь, составлял мешки в сторону, перечисляя мне добро, находившееся в них.

– Это вот, овес для Матильды. В этом вся ейная сбруя. А это тебе на разживу мешок муки. Директор распорядился перед отъездом. Тут вот, как обещал глина и известь. Ну и дров маленько для начала. Потом к зиме еще привезем. Нам, егерям, положено.

Он немного еще поруководил Петровичем, который стал опрокидывать тележку с оставшимися там чурками.

– Левее, левее бери!! Оглох что ли совсем???!! Теперь аккуратнее, не то сараюшку сме-тешь совсем, ирод руколапый! Да, аккуратнее, говорю тебе, едрен корень!!!

Наконец, разгрузка закончилась. Я поблагодарила тракториста.

– Спасибо. С меня угощение, как устроюсь.

Тот молча кивнул, сел в трактор и утарахтел, гремя на ухабах. Михалыч, усевшись на мешки с ячменем, снял фуражку и протер лицо большим носовым платком, больше похожим на замызганное кухонное полотенце.

– Уф ... жарко сегодня. Не иначе, к дождю. А, ты, как я погляжу, времени зря не теряла. Вон укосила сколько. Почитай, половину поляны. – Одобрительно проговорил он.

– Михалыч, мне тебя угостить нечем. Так, может чаю выпьешь с брусничным вареньем? У меня еще с прошлого года баночка осталась.

Егерь степенно поднялся.

– Отчего ж не выпить чайку. Сейчас в самый раз будет. А варенье то поди, сама делала? – Прищурился он.

– Сама, а кто же еще? – Ухмыльнулась я.

Затащив вместе овес в сараюшку, а муку в сени, мы зашли в дом. Михалыч огляделся и удовлетворенно хмыкнул.

– Викторевна, а я как погляжу, девка ты хозяйственная. Так сказать, на все руки ... А по виду сроду не скажешь.

Я сидела у печки, растапливая плиту, чтобы поставить чайник. Усмехнувшись, спросила:

– А по виду, что скажешь?

– Ну ... – протянул он нерешительно, – По виду больше на городскую фифу похожа. А че ж, не замужем? Али никого не присмотрела? – Проявил он любопытство.

– Так не берет никто. – Сдерживая улыбку, ответила я. – Боятся, наверное.

Михалыч покивал с умным видом.

– Ну, да, ну, да ... Мужик ноне хлипкий пошел. Но, ты не бойсь! Мы тебя тут мигом оженим. Тьфу ты! Замуж выдадим, я хотел сказать. У нас тут знаешь, какие орлы есть? Ого-го!!

Я улыбнулась.

– Да, я, вроде, пока не тороплюсь. Ты мне лучше вот что Расскажи. Мне тут давеча Софья Ивановна, что из хозяйственного магазина, сказала, что место это нехорошее. А объяснить не пожелала. Так, может ты мне Расскажешь, чем это место так нехорошо?

Егерь махнул рукой, как муху отогнал.

– Слушай больше баб! Они тебе наговорят. Но, история тут все же одна приключилась. – Усевшись обстоятельно на лавку за столом, начал с удовольствием рассказывать он.

Чайник закипал, и я стала собирать на стол не хитрую снедь, продолжая слушать.

– Ну, в общем так. Купец последний, чья это заимка была, Георгий Пантелеймонович, шибко крутой мужик был, люди говорили. Ну, оно то и понятно. Приисками руководить, да людишками разбойными. Тут без крутого нрава никак. Так вот, решил он жениться к зрелым годам по второму разу. Первая то жена у него померла родами, пацаненка оставила ему, наследничка, значит. Бобылем он долго ходил. Видать, первую то свою любил шибко. Однако ему уже за сороковник далеко было, когда решил привести в дом молодую жену. Выбрал девку, с соседнего села, Аграфеной звали, дочь кузнеца. Красавица, говорили, какой на свете еще не было. А, у девки той, Аграфены, значит, жених уж на присмотре был в ее родном селе. И, вроде как, уж и сосватана она была. Но, тут такое дело, сам Игнатов свататься пошел. Кто ж ему тогда отказать то мог? Жениха того в солдаты, а девицу под венец. Так, девка то отчаянная была. С самой свадьбы и сбежала. Кинулись в погоню. Догнали, значит, и здесь на этой самой заимке и заперли. На утро пришли, а она, сердешная, и повесилась, грех значит на душу взяла. Так вот, говорят, с той поры она здесь и ходит, душа неприкаянная. Но, ты ж понимаешь, все это бабьи сказки, так, ребятишек пугать, чтоб не лазили, где ни попадя.

Чай уже вскипел к тому времени, как закончился рассказ. Михалыч принялся грызть баранки и шумно припивать их чаем.

– А, скажи-ка мне, отчего прежний егерь здесь помер. Стар что ли был? – Не отставала я от него.

Михалыч аж чаем подавился и закашлялся. Посмотрел на меня внимательно и серьезно, и, отдышавшись ответил:

– Да, нет. Не шибко и старый был. Годков шестьдесят почитай и было. А отчего помер, никто не ведает. На работу зимой не вышел. В аккурат, мы в тот день должны были на волчью облаву ехать. А его нет, как нет. Мы пацаненка за ним отправили, а он дверь не открывает. Ну, тогда уж всей гурьбой нагрянули. А он уж холодный, и лицо такое страшное было, не приведи, Господи. – При этом воспоминание его аж передернуло всего. – Потом уж, врачи сказали, что, мол, приступ сердечный у него был. Люди то, сомневаться стали. Не жаловался он никогда на сердце то. Да и крепок был, что твой дуб. Но, нас никто и слушать не стал. – И он как-то сразу засобирался. – Ладно, Викторевна, заболтался я с тобой. А у меня дел непочатый край. Егорыч то только через три дня обещался. А, хозяйство без присмотра брошено. – Стал сокрушаться он, уж больно поспешно покидая мой дом.

Я только хмыкнула. Что-то темнит дед. Да, ладно. Со временем сама во всем разберусь. У меня и у самой работы было выше крыши. Михалыч вскочив в седло, махнул мне на прощанье, и скрылся за деревьями, как сбежал. Было над чем поразмышлять.

Окинув взглядом не докошенную поляну, я принялась за работу.

Глава 6

До самого заката я махала литовкой. Потом пошла в сараюшку, убрала инструмент, тщательно протерев лезвие пучком травы, а потом сухой ветошью. Нашла старое корыто и засыпала в него немного овса. Умница Матильда уже стояла рядом с дверями и тянула шею, шумно втягивая воздух, принюхиваясь. Подтащив корыто к выходу, я похлопала лошадь по шее.

– На, красавица, поешь. Завтра в село поедem за фуражом для меня. Тебе то вон сколько привезли, а я должна сама о себе позаботиться.

Матильда принялась жевать овес, похрумкивая и кося на меня своими умными глазами, внутри которых играли золотые искры. В бане еще со вчерашнего вечера вода не остыла. Обмывшись наскоро теплой водой, пошла в дом. Заварила свежего чая и уселась на крыльце, любуясь закатом. Электрик сегодня не пришел. Надо будет завтра в деревне его поискать. Романтика при керосиновой лампе, конечно, дело хорошее, но и техническим прогрессом пренебрегать не стоило.

Дождавшись, когда на небе зажгутся первые звезды я вошла в дом. Лошадь стреноживать не стала. Была, почему-то, уверена, что она от меня никуда не убежит. Вскоре я уже лежала в кровати, прислушиваясь к тишине. Сверчок опять подал голос. Под его успокаивающее потренькивание я и уснула.

Я оказалась посредине темного леса. Языки тумана выползали из-под корневищ старых деревьев, затягивая все низинные места и впадины. Вдруг, я увидела, как по лесу, в белом платье бежит девушка. Растрепанная коса билась по ее плечам, цепляясь за сучья. Ее отчаянье и страх окутывал ее плотным покрывалом, передались мне. Как-будто, моя душа соединилась с ней в ее теле. Вдруг она остановилась, прислушиваясь к чему-то. Повернулась и посмотрела, казалось, мне прямо в глаза. Лунный свет заливал всю ее стройную фигуру так, что можно было рассмотреть мельчайшие детали ее богатого свадебного наряда. Вдруг, ее губы раскрылись, и до моего слуха донеслось:

– Помоги мне ... – То ли шепот, то ли крик.

Волосы на голове у меня встали дыбом, ужас стал захлестывать, как приливные волны. И тут, прорезая тишину леса, словно острым ножом ткань ночи, раздался протяжный волчий вой.

Я вскочила с кровати, обливаясь холодным потом. Сердце билось так, словно, вот-вот выскочит из груди. Вокруг темнота. Только на улице раздавался встревоженный храп лошади. Потом она громко испуганно заржала. Я схватила карабин и выскочила на крыльцо. Матильда носилась по поляне. Грива в свете луны переливалась, как жемчужный шлейф. Я оглядело пространство перед домом, залитое ярким светом луны. Но, ничего тревожного не заметила. Может, волки поблизости? Я совсем забыла, что я в самом сердце тайги, а вокруг нет никакого жилья. Проклинаю свою беспечность, я пошла ловить лошадь. Мелькнула мысль, что надо завести собаку, спокойнее будет.

Матильду пришлось долго уговаривать, чтобы она немного постояла на месте. Наконец, мне удалось поймать ее за повод. Привязав ее к крыльцу, я подумала, что стоит увеличить размеры двери в сараюшке, чтобы организовать там небольшую конюшню для лошади. Негоже ее оставлять без малейшей защиты. Завтра прямо с утра этим и следует заняться. Только съезжу в деревню за электриком, и продукты нужно кое-какие купить.

Я притащила одеяло, закуталась в него, и уселась на крыльце рядом с лошадью. Карабин положила поперек коленей и, не заметно для себя, задремала. Разбудила меня Матильда, ее теплые губы касались моего уха. Попытавшись отмахнуться от нее, запуталась в одеяле и чуть не загремела с крыльца. Небо только-только начало розоветь на востоке, предвещая хороший жаркий день. Сладко потянувшись, вылезла из одеяла и трусцой рванула к колодцу для утреннего обливания. Ледяная вода быстро привела меня в чувство, сметая остатки сна, как

Матильда кусочек сахара с моей ладони. О своем первом сне, в котором я видела сбежавшую невесту, я благополучно забыла. Скорее всего, это рассказы Михалыча навевали его. И при свете нового дня, таинственность этого места куда-то делась, отступила вместе с сумраком и утренним туманом глубоко под полог леса, дожидаясь своего часа будущей ночью.

Следующие два дня навалилось столько работы, что у меня не было просто свободного времени все как следует обдумать.

Митяй, конюх из охотхозяйства, вызвался мне помочь, перестроить сараяшку под небольшую конюшню для Матильды. Михалыч тоже не забывал меня. Приволок мешок картошки из собственного погреба, две банки соленых огурцов и небольшой бочонок квашенной капусты, оставшийся у него с прошлого года. На вопрос «зачем так много», махнув рукой заметил, что скоро будет новый урожай, а щи он варить все равно не умеет. Я успела привести печь в порядок, отскребла песком доски на столе, лавках и полу. И теперь они радовали глаз смолистой желтизной. Наконец, отчистила найденный мною самовар, и гордо водрузила его на стол. Постирала и повесила шторы на окнах. Нашла старую банку, отмыла ее у колодца и поставила букетик лесных цветов. Удовлетворенно оглядела плоды трудов своих, и уселась на крыльце пить чай. Подъехал опять Михалыч, привез банку свежего парного молока вечернего надоя, и небольшую баночку свежего, пахнущего воском и щедрым летом, медом. Оглядел критическим взглядом все плоды моих трудов и довольно крикнул.

– Да, давненько здесь живым духом не пахло. Завтра Егорыч приезжает. У нас вроде бы, все в полном ажуре. И Ефимыч явится должен. Может, даже сегодня к вечеру.

– А, Ефимыч у нас кто? – Задала я вопрос.

– Ефимыч – наше начальство, охотовед он. Степан Ефимович Переделкин. Начальство надо знать. – Наставительно произнес он. – А я завтра на свой обход, наверное, поеду. Веники уже пора готовить. Троица то уж вон, когда прошла. А, ты, поди, завтра обход поедешь принимать. – Многозначительно закончил он.

Я удивленно вскинула брови.

– Михалыч, побойся Бога. Какая Троица? Уж и Ильин день прошел. Веники то сейчас уже поздно готовить.

Егерь как-то неопределенно хмыкнул.

– Дак, веники не себе же. Зверью всякому. Косулям то им все равно, прошел Ильин день или нет. Когда зима снежная, они что хошь сточат. – Наставительно проговорил он.

Еще посидев немного со мной и, повздыхав, неизвестно о чем, он отбыл на своем Зайчике восвояси. Я завела Матильду в новое, пахнущее свежей стружкой, стойло, насыпала ей немного овса и пожелала спокойной ночи, потрепав по гриве. Она благодарно заржала, выражая мне свою признательность. По крайней мере, мне хотелось так думать.

Ночь прошла без особых происшествий. Спала я довольно крепко. Проснулась, как всегда с восходом солнца, оседлала Матильду, и мы отправились в деревню.

Сегодня все начальство было в сборе. Процедура знакомства с охотоведом Степаном Ефимовичем прошла, так сказать, на уровне. Это был уже не молодой мужчина, годов этак за сорок пять-пятьдесят. Кряжистый, с небольшой окладистой бородкой и вечно прищуренными хитрыми глазками. Ему уже успели обо мне доложить, и сейчас он рассматривал меня, как некоего диковинного зверя. Я терпеливо ждала, когда он закончит осмотр и вполне дружелюбно спросила:

– Я могу увидеть документы?

Он несколько раз хлопнул на меня глазами.

– Какие такие документы?

– Ну, например, карты, планы, описания обхода, который за мной будет закреплен. Прежде чем ехать на натуру, хотелось бы на документы взглянуть. – Спокойно объяснила я, посоветовав себе набраться терпения.

Он запыхтел, как сердитый кабан и хлопнул мне на стол тяжелые фолианты с требуемыми мной документами. Я только незаметно усмехнулась. Поизвадив еще немного охоты-веда вопросами, собралась все увидеть своими глазами. Степан Ефимович со мной не поехал, сославшись на занятость. Отправил все того же Михалыча. Когда мы выходили из конторы, вид у последнего был, как у кота, объевшегося сметаны. Отъехав подальше, я у него спросила:

– Ты чего это такой довольный?

Михалыч хитро прищурился, качаясь в седле.

– Да, хоть кто-то укорот этому борову дал. А то, он думает, что самый умный в округе. Егерей за людей не считает. Но, ты это, поаккуратней с ним. Злопамятный мужик. Дождется момента и из-за спины то и ударит. Так что, с ним ухо остро держи.

Поблагодарив Михалыча за информацию, мысленно стала клясть себя за несдержанность. Нет, чтобы дурочкой деревенской преставиться ... Ох, уж этот характер!

Тем временем, мы въехали под полог леса. Я достала планшет, и внимательно изучила еще раз карту. Уверенно тронула поводья лошади и повернула вправо.

Лес принял меня ласково и торжественно. Могучие сосны едва шевелили хвоей. Солнце просачивалось сквозь их иглы, играя бликами на цветущих травах. Аромат смолы не давал надышаться воздухом, кружа голову. На моем лице играла улыбка, как у девушки на первом свидании с любимым. Мне хотелось петь и смеяться одновременно. И только присутствие Михалыча, смотревшего на меня с удивлением, мешало осуществить это желание.

– Как я погляжу, ты лес то любишь. – В голосе егеря слышалось удивление.

– Да, как же его не любить?! Смотри какие богатыри стоят в три обхвата. Они землю берегут.

Михалыч со знанием дела глянул на сосны, и с умным видом проговорил.

– Ну, да. Богатыри. Куба по два с полтиною будут.

Я чуть не расхохоталась в голос от такой оценки лесного чуда.

Вскоре вдалеке послышался шум воды, и через несколько минут мы выехали на небольшой плес шумливой, и достаточно бурной речки.

– А вот это наша Хвороба. – Проговорил егерь с гордостью, как будто, это было его детище.

– А почему Хвороба? – Заинтересованно спросила я.

– А шут его знает! Хвороба, да Хвороба. – незамысловато ответил он.

Я было открыла рот, задать очередной вопрос. Но, тут наши лошади захрапели. Матильда стала боком вытанцовывать.

– Тихо, тихо ... – пыталась я успокоить разволновавшуюся лошадь.

Но, она не желала успокаиваться, продолжая храпеть и плясать подо мной. Зайчик под Михалычем тоже выписывал кренделя и дико косился на реку. Мы спустились с лошадей и постарались их увести в сторону от реки под полог леса.

– Может бурного течения испугались? – Выдвинул предположение старый егерь.

Я покачала головой.

– А, ну ка, возьми поводья. – Протягивая повод от Матильды попросила я.

– Он попятился назад.

– Ну уж нет! Я с ней в спокойном состоянии справиться не могу, а сейчас и подавно!

Я в сердцах плюнула с досады. Привязала повод к ближайшему деревцу ивы, и осторожно стала продвигаться на берег. У самой кромки воды лежала какая-то груда, как мне показалось, старого тряпья. Михалыч, осторожно выглянул из-за моего плеча. Потом, смело подошел к этой куче, и тихонько ткнул ее носком сапога.

– Так это ж волчонок! Гляди-ка, мертвый. Как же это он, бедолага. Ну, теперь, ничего не поделаешь. Это лошади его запах почуяли, волчий, значит. Вот и стали шарахаться. Поехали дальше, Викторевна.

Я, не обращая внимания на его призывы, опустилась на колени перед волчонком и стала осторожно снимать с него прилипшие листья и сухие ветки. И, вдруг, он зашевелился. Я, обрадованно крикнула:

– Михалыч!! Он живой!!

Сдернув с себя ветровку, я бережно завернула в нее мокрое, облепленное песком, тело волчонка. Матильда, конечно же, воспротивилась поначалу. Хрипела, косила глазами, пританцовывая на месте, и, даже, поначалу пробовала вставать на дыбы. Но, я проявила характер, и лошадь вынуждена была смириться. Положив свой сверток с найденным поперек седла перед собой, поехали быстро к дому. Михалыч ехал сзади и всю дорогу качал головой.

– Ну, надо же! Везучая ты! Смотри ка, живой волчонок!

Глава 7

Дома, спрыгнув с лошади, я потащила маленькое тельце в баню. Там обмыла его от песка и налипшего мусора и завернула в сухое полотенце. Потом, побежала в дом и налила ему в миску немного молока. Уложила его на крыльце, под теплые ласковые лучи солнца. Михалыч смотрел на всю эту мою суету и вздыхал.

– Не-е, Викторевна, не жилец он. Зря, только возишься. Не жилец.

Я свирепо глянула на егеря. Он аж отодвинулся от меня подальше, и смущенно забормотал.

– Чего ты? Я ж только говорю, что время зря тратишь...

– Поживем-увидим. – Серdito буркнула я. – Ты, кажется, веники сегодня собирался готовить? – Весьма ехидно поинтересовалась.

Но, Михалыч не хотел внимать моим намекам. Уж больно его любопытство разбирало.

– Дак, а чего ...? Веники они ж никуда не денутся. – Философски заметил он. – Вдруг, тебе какая помощь потребуется. – Шмыгнув носом, он уселся поудобнее на крыльце.

Меня вдруг осенило.

– Михалыч!!! Конечно, потребуется! Привези мне из деревни пяток яиц и пол литра самогона. Только хорошего. Деньги вот, возьми. – Я похлопала себя по карманам и достала смятую пятерку.

Он обрадованно закивал головой.

– Это мы мигом!!

Через минуту его уже и след простыл. Я пошла в сараюшку, нашла там достаточно объемный деревянный ящик с гвоздями. Пересыпала их в ржавое старое ведро. Как следует промыла его у колодца и поставила сушиться на солнце.

Дождавшись Михалыча, привезшего то, что просила, я взболтала яйцо и добавила несколько ложек самогона. Всю эту смесь перелила в бутылку и тщательно перемешала. По несколько капель стала вливать волчонку в рот. Меня обрадовало, когда он начал делать судорожные глотательные движения, а потом, слабо брыкаться, пытаясь выскользнуть из моих рук.

Михалыч сопел за моим плечом, и продолжал вселять в меня оптимизм:

– Смотри, укусит. Хоть и малой, а все ж зверь дикий. А от самогонки поди помрет?

Я цыкнула на него.

– Не говори под руку!! Чего каркаешь?!

Он обиженно надулся, и сделал вид, что ему, происходящее на крыльце вовсе не интересно. Отодвинулся на дальний его конец, но продолжал тянуть шею и коситься.

Выпив достаточное количество смеси, и, вытерев мордочку зверенышу, я аккуратно положила его в ящик, подстелив старую тряпочку. Ящик занесла в дом, и поставила за печью.

Закрыв дом, мы продолжили с Михалычем объезжать территорию обхода. День клонился к вечеру. Солнце едва касалось верхушек деревьев, вылачивая лес, как волшебный художник своей кистью, не забыв сделать несколько небрежных мазков через весь небосвод. Подъезжая к моему кордону, старый егеря попрощался со мной.

– Ну, что? Обход приняла? Тогда до завтра! – И он бодро потрусил в сторону деревни.

Сделав все необходимое для Матильды, я растопила баню, оттягивая момент вхождения в дом. Я очень боялась застать там мертвого волчонка. Наконец, я решительно открыла двери и вошла. Меня встретила тишина. На цыпочках я подошла к ящику. Звереныш забился в угол и смотрел оттуда на меня затравленным взглядом. Он был жив и, судя по всему, очень голоден. Силенок не хватило выбраться из ящика. Я тихонько опустила миску с молоком. Он зарычал и постарался забиться еще дальше, хоть дальше было некуда. Я отошла от ящика. Надо дать ему время привыкнуть. А, так же, раздобыть немного мяса. На молоке он, в буквальном смысле, протянет лапы. Судя по тому, что я увидела, ему было месяца три. В этом возрасте волчата уже должны питаться мясом. У меня даже мысли не возникло выпустить его на волю. Один, без своей семьи он просто пропадет. И я поехала в деревню добывать мясо. Авось, кто-ни будь согласится заколоть курицу.

Курицу я добыла. И вскоре, смотрела, как волчонок терзает значительный кусок мяса, утробно рыча.

Прошло немногим меньше недели, пока волчишка перестал прятаться по углам от каждого шороха. Он уже начал брать мясо, почти из моих рук, и ел спокойно, кося на меня настороженно желтым глазом. Я все еще не выпускала его на улицу, боясь, что он удерет в лес. Оказалось, что это девочка. Я решила назвать ее Айра, старинным арийским именем, означающим «холодное солнце».

Айра оказалась на редкость сообразительной и умной. Тихим рычанием она предупреждала меня, если на кордон приезжал кто-то посторонний. И я подумала, что надобность в собаке у меня отпала.

За повседневными хлопотами я стала немного забывать свою боль и свои переживания. И моя прошлая жизнь стала утекать от меня, как маленький ручеек, вытекающий из застойного озера, и пробивающий себе новое русло. Образы того единственного, кто предал меня, и того, другого, кого предала я, стали неясными и расплывчатыми, как туман поутру на моей поляне растворяющийся под утренними лучами солнца. Но, не зря говорят, что у прошлого длинные тени. И, рано или поздно, оно может тебя догнать.

Глава 8

Дождливым воскресным сентябрьским утром, на кордон неожиданно прискакал Михалыч. Айра тихонько подошла и ткнулась в меня носом, чуть рыча, за несколько секунд до того, как я услышала стук копыт и зычный вопль егеря.

– Викторевна!!! Открывай!!!

Отставив возиться с тестом и, вытерев руки о полотенце, я вышла на крыльцо, накинув старую шаль.

– Ну, и чего ты орешь, как будто тебя черти дерут? Заходи в дом. – Немного ворчливо проговорила я.

Михалыч спешил с коня, взошел на крыльцо и снял с себя брезентовый дождевик. Отряхнулся, как мокрый пес.

– Бррр Во погода!! – Не то с восторгом, не то с возмущением сказал он. – Гляди-ка, осень уже на пороге.

Я зашла в двери, жестом приглашая его сделать то же самое. Пройдя в дом, он уселся у теплой печи, и зашмыгал носом. А я продолжила выкатывать хлеб. Айра забилась под стол у моих ног и оттуда настороженно поглядывала на гостя.

– Тебя чего с утра пораньше принесло, да еще в такую погоду? Случилось чего? Или так, в гости заглянул? – Чуть улыбнувшись, спросила я, возвращаясь к прерванной работе.

– Ага, в гости ... Самое время, по гостям ездить. – Ворчливо заметил он. – А ты чего это, никак хлеб печь надумала?

– Надумала. И пирог с грибами, тоже надумала. А ты мне зубы то не заговаривай. Чего приехал то?

– Дак, я это ... Егорыч, в общем, послал. Велел тебе приехать. – Смотря, куда-то в угол, избегая моего взгляда, промямлил он.

– С какого это перепуга то? Можешь внятно ответить? Случилось что ли чего? – Начала закипать я. – Воскресенье сегодня, вроде бы. Авралов не намечалось. Я вон хлеб ставить собралась и печь выстоялась. Что ему вдруг ни с того ни с сего понадобилось то, можешь толком объяснить?!

Я возмущалась, а руки проворно двигались, ставя хлеб в пышущую жаром печь.

– Так не сильно я в курсе ... – Опять начал выкручиваться он. – Вроде как, начальство приехало не то районное, не то областное. Я особо то и не разглядел. На двух машинах прибыли человека четыре.

Я удивленно вскинула брови.

– Начальство приехало, а я им на кой ляд сдалась?

Чувствовалось, что этот вопрос его тоже мучал.

– Да, откель мне знать?! Мне никто не доложил! – Почти в отчаянии выпалил он.

Я усмехнулась.

– Ну, будем считать, что ты меня нашел не сразу. Я пока хлеб не испеку, из дома не двинусь. Сам знаешь, перестоит квашня и хлеб пропадет. А у меня свиней нету, чтобы негожим хлебом их кормить. Хочешь, подожди. Вон, чайку попей. Чего тебе по дождю мотаться. Не мальчик уж, чай. – Лукаво глядя на старого егеря заявила я.

Часа через два, достав румяные буханки и пирог с грибами из печи, я пошла собираться в контору, на зов начальства, гадая, чего этому самому начальству от меня понадобилось. Пока Михалыч, обжигаясь, уписывал кусок горячего пирога, я переоделась в спальне в привычную рабочую одежду. В общем, в контору мы явились, слегка припозднившись. Встретил нас охотвед Степан Ефимович. Увидев меня, недовольно буркнул.

– Как я погляжу, Ольга Викторевна, не шибко вы торопитесь на зов начальства то.

Я посоветовала себе быть терпеливой, и только пожала неопределенно плечами. Мол, понимай, как хочешь. Спрашивать я у него ничего не стала, решив, что, если надо, сам скажет, за каким бесом, меня в мой законный выходной выдернули из дома. Но, он не торопился ничего объяснять, только, окинув меня с ног до головы сердитым взглядом, мотнул головой на дверь директорского кабинета.

– Ждут вас там.

У меня вдруг по неизвестной причине, сильно заколотилось сердце. Легонько постучав по двери, я открыла ее и сделала шаг, замерев на пороге.

– Вызывали, Леонид Егорович? – Проговорила я внезапно чуть охрипшим голосом.

Директор в кабинете был не один. Спинай ко мне сидел мужчина в милицейской форме майора. Директор, встав из-за стола, радостно проговорил:

– Вот, Ольга Викторовна, наш новый начальник районного отделения милиции приехал познакомиться, потому как, работать нам вместе, рука об руку, так сказать. А это наш егерь, Ольга Викторовна. – Начал суетливо представлять он меня.

Мужчина встал и медленно обернулся. А у меня подкосились ноги, и вся кровь отхлынула от лица. Я сделала шаг назад и уперлась спиной в косяк двери. Глаза цвета грозových облаков, которые являлись мне столько лет во сне, заставляя просыпаться с мокрыми от слез щеками, смотрели прямо на меня. В них было столько муки и нежности, что у меня закружилась голова.

– Здравствуй, Оля. – Просто сказал он.

А я смотрела на него, не в силах произнести ни слова. Директор с удивлением смотрел на меня, не понимая, что происходит. От его взгляда я пришла в себя. Чуть осипшим голосом, я проговорила:

– Здравствуйте, Владимир Дмитриевич.

В кабинете повисла пауза, которую никто не решился нарушить. Первым в себя пришел директор. Он суетливо выбрался из-за стола и направился к двери.

– Я вижу, вы знакомы. Значит в представлении не нуждается.

Он, было, собрался протиснуться мимо меня в дверь. Но, я стояла, как последний заградительный бастион. Сурово сдвинув брови, я обратилась к нему.

– Вы представили меня. И, если, у вас ко мне ничего больше нет, я надеюсь, могу быть свободна? Хочу вам напомнить, – Ядовито заметила я. – У меня сегодня законный выходной.

Директорский взгляд заметался от меня к гостю и обратно. Слегка неуверенным голосом, он произнес:

– Да, да, конечно ... Если у Владимира Дмитриевича вопросов никаких нет, то я думаю, что вы можете идти. Так, Владимир Дмитриевич? – Слегка заискивающее проговорил он, смотря на майорские погоны.

Легкая усмешка проскользнула по губам начальника районного отделения милиции.

– Безусловно, Леонид Егорович. Я очень благодарен вашим сотрудникам, что они, прервав свой законный выходной, бросив все дела, прибыли сюда, для знакомства. – Не отрывая от меня взгляда проговорил он.

Директор, вроде бы, заподозрил легкую издевку, но лицо говорившего было серьезно и непроницаемо.

Бросив короткое «до свидания», я не помнила, как вышла из кабинета, и направилась прямо на улицу, под разошедшийся осенний дождь.

Вскочив в седло, я сильно двинула пятками Матильду, которая не привыкла к такому обращению. Кобыла выразила свое возмущение громким ржанием, и взвилась на дыбы. Потом, повинаясь твердой руке, с места взяла галопом. Дождь хлестал по моему лицу, перемешиваясь со слезами, но я не обращала на это внимания. Картины моей прошлой жизни мелькали перед глазами, не давая различать окружающее. А лес вокруг сочувственно качал головами-кронами, вздыхая тяжело и безнадежно порывами осеннего ветра.

Глава 9

Солнце пробивалось сквозь ветви деревьев, подсвечивая листья и, делая небо похожим на волшебный ковер с разноцветным узором. Я только что вышла из главного корпуса института. Меня переполнял восторг. Я зачислена!!! Все экзамены и волнения позади! Я – студентка! По аллее бульвара я не шла, я порхала, размахивая маленькой сумочкой. Сердце пело от восторга. Меня ждет впереди новая увлекательная студенческая жизнь! Не замечая ничего вокруг, я пребывала в каком-то эйфорическом состоянии. И вдруг, оп ... Тоненький кожаный ремешок сумки обрывается, и она летит куда-то в кусты. Сначала я даже не поняла, что случилось. Стояла посередине аллеи и растерянно оглядывалась. Два курсанта военного училища, шедшие мне на встречу остановились напротив меня, с интересом разглядывая. Я нахмурилась. «И чего такого интересного они увидели» – ворчливо подумала я. Один из них нырнул в кусты, и выбрался оттуда с моей улетевшей сумочкой.

– Девушка, это, кажется, ваше. – Он протянул мне кожаный ридикюльчик и посмотрел с улыбкой прямо в глаза.

Грозовые облака, клубились внутри его глаз, предвещая ураган. Я замерла, всякие мысли оставили меня. И я просто стояла и хлопала на него глазами, забыв обо всем на свете. Пауза затягивалась. Я опомнилась и, наконец, смогла выдавить из себя «спасибо», протянув руку за злосчастной сумкой.

– Меня зовут Володя. – Незамысловато начал он. – А, это, Сергей.

Так началось наше знакомство, переросшее в бешено крутящийся вихрь, закруживший нас, называющийся «любовь». Сергей оказался его двоюродным братом, который учился на младшем курсе. Очень часто, когда у ребят было увольнение, мы гуляли вместе, и я чувствовала себя королевой. Потом, Володя закончил училище. Распределили его за тысячу километров от нашего города. Потянулись долгие дни ожидания и короткие, порой, длящиеся всего один час, встречи. Я ждала, что вот-вот, наступит мгновение, когда он попросит стать его женой. Но, время шло, встречи становились все реже, и все короче. При встрече он все чаще прятал от меня глаза, в которых поселилась боль.

Однажды, когда я сидела на лекции, в дверь аккуратно постучали. В проеме появилась голова Сергея, который делал мне загадочные движения руками, пытаясь привлечь мое внимание.

Спросив разрешения у преподавателя, с бьющимся сердцем, я выскользнула за дверь.

– Что случилось? Что-то с Володей?

Сергей как-то смешался.

– Нет, нет ... С Володей все в порядке. Я сегодня уезжаю в часть. Хотел попрощаться.

Я с облегчением выдохнула. Даже смогла улыбнуться.

– Желаю тебе всего хорошего и отличной службы. Надеюсь, ты дослужишься до генерала. – Попыталась пошутить я.

Сергей продолжал стоять, переминаясь с ноги на ногу. И, явно, хотел мне еще что-то сказать. Я попыталась заглянуть ему в глаза.

– Сережа, что-то случилось? – Осторожно спросила я. А сердце ухнуло куда-то, предчувствуя недоброе.

Он продолжал молчать и прятать глаза. Не выдержав напряжения, я тряхнула его за плечи.

– Ну ...?! Говори же!!!

Не поднимая глаз, он проямлил.

– У Володи родился сын.

Сказанное никак не хотело доходить до моего сознания.

– Прости ...? Что ты сказал? У кого родился сын?

Сергей поднял на меня взгляд полный сожаления и печали.

– Ты поняла правильно. У него родился сын. Это получилось нечаянно. Отмечали его очередную звездочку, он был пьян, понимаешь? – Стал он бормотать нелепые оправдания.

Он еще что-то пытался мне объяснить, но, я уже не слушала. Мир, мой мир рухнул в эту минуту здесь, в залитом светом коридоре институтского корпуса. Солнце погасло, и наступила тишина и темнота. Я привалилась к стене, боясь, что ноги меня не удержат и я просто свалюсь мешком прямо здесь, у дверей аудитории на пыльный пол. Сергей кинулся меня поддержать. В глазах испуг. Я отстранилась.

– Я в порядке. До свидания. Счастливой службы.

И побрела по коридору на выход из здания, слегка покачиваясь, как пьяная. Он попытался позвать меня.

– Оля ... Он любит только тебя. – Прозвучало как-то жалко и неубедительно.

Но, я уже этого не слышала.

Потом были долгие и серые дни, тянущиеся, как черная гудронная смола. Я жила, как автомат. Что-то делала, куда-то ходила, с кем-то разговаривала. К моему большому изумлению, сессию я не завалила. Люди говорят, что время лечит. Для меня время было не доктором, а скорее, штукатуром. Который заделывал большую дыру в стене тонким слоем шпаклевки. Снаружи, вроде бы все красиво, а внутри так и осталась большая дыра.

Время пролетело незаметно. Защита диплома и распределение прошли как-то без особого торжества. У меня было одно желание, поскорее уехать из этого города, где меня легко было найти, где воспоминания накрывали меня тяжелым саваном на каждой улице, в каждом парке, где мы встречались или гуляли. Пропасть, раствориться, уйти с головой в работу. И, может быть тогда, боль притупится, и все забудется. Я уехала после распределения в маленький районный город. Оказавшись в новой обстановке, где все было непривычным, новым, постепенно я стала забывать все, как ужасный сон. Хотя, где-то в глубине, прежние раны еще болели и кровоточили. Прошло около двух лет, когда однажды, идя после работы домой, я встретила его. Это было так неожиданно, что я сначала подумала, что это просто мое воображение, отражение моих снов. Но, увы, это было наяву. Он перевелся по нелепому случаю, в наш городок. На следующий день, я положила заявление о переводе в другое место директору на стол. Он долго не мог взять в толк, какая муха меня укусила. Но, я стояла на своем, и ему пришлось уступить. Потом последовал еще один перевод. В конце концов, мне это надоело, и я оказалась в глухом медвежьем углу в качестве простого егеря. И вот, опять! Да, что же это такое!!! Судьба просто издевалась надо мной!! А, может быть, давала подсказку, что от проблем нельзя убежать, они, как собаки, чем быстрее бежишь, тем быстрее догонят.

Глава 10

Дождь припустил не шуточный. Косые струи били в лицо, не давая поднять глаз. Если бы не умница Матильда, я бы сама вряд ли добралась до дома без увечий. Дождевик я оставила в конторе охотхозяйства, когда так торопливо его покинула. И даже не вспомнила о нем, пока лошадь не остановилась у крыльца дома. Я поспешила завести ее в сараюшку, превращенную в маленькую конюшню. Протерла ее как следует сухой тряпкой и засыпала немного овса. А сама пошла растапливать баню. Надо было как следует прогреться, иначе простуда мне будет обеспечена. А болеть я не планировала. Пока занималась печью в бане и таскала воду, постоянно про себя повторяла: «Это меня не касается, это уже позади.» Но, увы, сердце было не согласно с разумом и стучало так, что грозило выскочить из груди. В его ритме можно было слышать: «Он здесь, он здесь ...»

Слишком много было напутано в нашей жизни, чтобы все это можно было просто и легко забыть. Через год, после его предательства, я решила, что клин клином вышибают. Не знаю, кто придумал такое, но со мной это не сработало. Я попыталась выйти замуж. Было пошито платье, мы уже съездили и познакомились с родителями. Я старалась убедить себя, что я буду ему хорошей верной женой, что постепенно все наладится и забудется. Но, когда мы прощались очередной раз «до новой встречи», он попытался меня поцеловать. Я с ужасом поняла, что не могу. Я просто не могу этого сделать! Я не хочу чувствовать его прикосновений, не хочу видеть его глаз. Я не смогу!!! И, не придумав ничего умнее, я начала что-то мямлить про то, что «конечно, я буду верной женой, хорошей хозяйкой, но я не смогу его любить». Вот уж глупость то была несусветная! Помню, какой недоуменный и растерянный сделался у него взгляд. Какая боль появилась в его глазах. Я мысленно проклинала себя, но уже ничего не могла изменить. В этот же вечер он разбился на машине. В ГАИ сказали: «Не справился с управлением». Но, я-то знала, ЧТО на самом деле произошло той ночью. И эта боль резала меня на куски, как тупым ножом, каждый день. А ночи ... Я боялась ночей, боялась закрыть глаза. Но, уже ничего не могла с этим поделать, и ничего не могла изменить.

Все это вихрем кружилось в моей голове, какими-то отрывками, истерзанными клочьями. Все чего я сейчас хотела, это просто забыть, не думать, не слышать, не видеть и не жить.

Я остановилась, как скаковая лошадь на бегу. Так, стоп. Эдак, черте до чего можно додуматься! А я собралась начать новую жизнь. «Вот и начинай!» – Прикрикнула я мысленно сама на себя. – «И нечего тут слюни распускать!» Это подействовало. Руки перестали дрожать. И я уже спокойно закончила дела на улице. Быстро заскочила в дом, чтобы снять мокрую одежду. Айра, завидев меня, нерешительно вылезла из-под стола. Я присела на корточки перед волчишкой.

– Бедная моя. Перепугала я тебя. Не волнуйся, все наладится. Я справлюсь. Вот увидишь, мы тут с тобой заживем лучше прежнего.

Айра нерешительно лизнула мне руку.

– Ну, вот и славно. Я в баню пошла, а ты дом стереги. – Потрепала я ее по голове.

Стянув мокрые вещи и, бросив их прямо на пол, закутавшись в большую простынь и прихватив полотенце, я побежала в баню. Напарившись как следует душистым веником, и выгнав, весь холод из тела, я побежала домой. Налила горячего чая, и стала его прихлебывать маленькими глоточками, ловя себя на том, что, то и дело, кошусь в окно.

Подсознательно я все время ждала. Думаю, он не мог просто так уехать, не попытавшись поговорить со мной. Я боялась этого так, как мало чего боялась в своей жизни. Мне хотелось забиться в какую-ни будь щель, чтобы обо мне просто забыли. Я усмехнулась. Это вряд ли. И как будто в ответ на мои мысли Матильда заржала в сарае, а Айра зарычала и шмыгнула под стол. Это означало только одно, на кордон приехал чужой.

На стук в дверь, я постаралась спокойно ответить «открыто», хотя сердце грозило выскочить из груди в любую минуту. Пригибаясь в дверях, чтобы не зацепить головой за верхний край дверного проема, вошел Володя. Остановился на пороге и с удивлением огляделся. Я не предложила ему пройти или присесть. И он так и стоял у дверей, растерянно оглядываясь, словно гадая, куда это он попал, в этой своей бравой и неуместной здесь, милицейской форме с майорскими погонами.

Я не пришла ему на помощь и не начала, ничего не значащего разговора, типа: «как твои дела» или еще чего-ни будь в этом же роде. Я просто сидела за столом и выжидательно смотрела на него. Когда пауза затянулась настолько, что оставалось, либо развернуться и уйти, или начать говорить, он закашлялся, и попросил воды. Я не двинулась с места. Просто сказала.

– Вон, ведро на скамье, ковшик там же.

Поняв, что ничего внятного он сейчас не способен сказать, не без едкости, я проговорила:

– Владимир Дмитриевич, у вас ко мне дело какое-то, или вы так, водички попить заглянули?

Он укоризненно посмотрел на меня.

– Зачем ты так?

Я не стала поддаваться на провокацию и отвечать вопросом на вопрос, с огнем в очах, «Так это как?», или что-ни будь похожего. Просто молча продолжала смотреть на него спокойным (как мне казалось) взглядом. Он слегка смутился, и нелепо забормотал:

– Ты же знаешь ... В конце, концов, мы же взрослые люди! Давай просто поговорим. – В голосе появились просительные нотки.

А я вдруг, почувствовала себя такой уставшей и какой-то, древней, что ли. Как будто, за моими плечами было не двадцать девять, а все сто лет. Мне захотелось прекратить этот никому не нужный спектакль. И я просто сказала, глядя прямо ему в глаза.

– Послушай, мне нечего тебе сказать. И у меня нет желания слушать, что скажешь ты. Я просто тебя прошу, оставь меня в покое. – И я, встав со скамьи, принялась убирать хлеб со стола в большой деревянный короб, так, как будто, я была в доме одна.

Не хочу даже вспоминать, чего мне стоили эти простые жесты и движения, а также, сколько усилий я потратила на то, чтобы мой голос звучал ровно, без дрожи. В его глазах была такая мука, что мне стало трудно дышать, и я поспешно отвернулась, чтобы не видеть его лица.

– Я просто хочу, чтобы ты знала. Я развелся.

– Мне это не интересно. – бросила я равнодушно через плечо.

Звук закрывшейся двери, раздался громовым раскатом в моей голове. И я без сил опустилась на скамью, не в силах больше дышать, не в силах больше жить. Из-под стола раздался тоненький вой Айры.

Глава 11

Время потянулось, как заунывная песня калмыка в степи. Короткие осенние дни, с редким солнечным светом и длинные темные, как патока, ночи.

Каждое утро мы с Матильдой выезжали на привычный обход по моему участку. Айра уже бегала по поляне, и я не боялась, что она может удрать в лес. Она превращалась из подростка-волчонка, с несуразно длинными ногами, и чуть обвислыми ушами, в молодую волчицу, со светло-серой шерстью и почти белой мордочкой, с крепким поджарым телом. И вскоре наступил день, когда она убежала в лес. Я встревожилась, но напрасно. Довольно быстро она вернулась, таща в зубах зайца. Я облегченно вздохнула. Отпадала необходимость каждый раз ездить в деревню за курами.

За всеми заботами и переживаниями, я совершенно забыла о тайнах этого места, которые меня так заинтересовали по приезду сюда. Они, эти тайны, дали о себе знать совершенно неожиданно.

Как в страшной сказке, все началось темной осенней ночью. Я уже собралась ложиться спать, когда услышала громкое и тревожное ржание Матильды. Запалив фонарь «летучую мышь» и набросив на себя куртку, вышла на крыльцо. Лошадь бушевала в конюшне, грозя разнести ее. Выскочившая следом за мной Айра, стоя на крыльце настороженно рычала, повернувшись в сторону края поляны, заросшего густым малинником. Он весь уже осыпался, только кое-где еще болтались на ветру желтые и буроватые листья и остатки засохших мелких ягод. В течении всего этого времени у меня так и не дошли руки, чтобы навести в этом углу порядок. И сейчас, даже опавший малинник, выглядел непроходимыми колючими джунглями.

Прикрывая фонарь от порывов ветра, я медленно стала подходить к этим непроходимым зарослям. Айра осторожной походкой, выслеживающего добычу зверя, шла впереди, утробно рыча.

– Что там, дорогая? – Почему-то шепотом спросила я.

Молодая волчица повернула ко мне голову. Свет фонаря отразился зелеными бликами в ее глазах. По понятным причинам, она ничего не ответила. А у меня вдоль позвоночника пополз холодок. Подойдя вплотную к малиннику, я стала пристально вглядываться в заросли. Свет от фонаря был достаточно жидким, освещая хорошо только пяточок пространства вокруг меня. Вдруг волчица остановилась, шерсть на загривке встала дыбом, она грозно зарычала. Я подошла чуть ближе и увидела почти с самого края, где заросли переходили в поляну, лежащее на земле скрюченное тело человека. Даже не подходя ближе, я поняла, человек был мертв. Не скажу, что до этого мне часто приходилось видеть мертвецов. Но, в этой ситуации была твердая уверенность. В его позе было что-то не естественное, не присущее живому существу. До пояса он был обнажен. На теле виднелись множество ссадин, порезов и ушибов. На запястьях застарелые раны и синяки, как будто, его держали долгое время в кандалах. Лица видно не было. Длинные темные волосы спадали на лицо, закрывая его полностью, кудлатая борода торчала в разные стороны, в ней запутался какой-то сор и листья малины.

На меня напал легкий столбняк. Откуда он тут взялся? Почему голый до пояса в такую погоду? Вопросы пролетали в голове, не задерживаясь. Ответов ни на один из них не было. Четко я понимало одно, надо ехать в деревню, чтобы найти участкового. Вот пусть он и разбирается. Я повернула к дому. Быстро переоделась. Закрыла Айру дома, оседлала Матильду, и поехала в деревню.

Пол часа я долбилась в двери к участковому, еще минут тридцать пыталась ему втолковать суть проблемы. Василий Павлович, пожилой полный дядька, с шикарными усами «а-ля Чапаев». За имя «Василий» и за усы, в деревне за ним прочно закрепилась кличка легендарного героя гражданской войны. За глаза его называли так все, от детей трехлетнего возраста,

до глубоких старцев. Он был нетороплив, как, впрочем, и большинство деревенских жителей, привыкших к неспешной размеренной сельской жизни. Участковый тарашил на меня глаза спросонья, и никак не мог взять в толк, чего мне от него понадобилось в такой неурочный час. Наконец, когда терпение мое было уже на исходе, мне удалось ему объяснить, что это не дурацкая шутка, а реальность. Оставив его собираться, я вернулась на кордон. На часах уже было пять часов утра. Ложиться спать в это время я сочла бесполезным. Растопила печь, поставила чайник. Быстро собрала на стол нехитрую снедь, вчерашние пироги и глиняную плошку со сметаной. Есть совершенно не хотелось, но надо было себя чем-то занять до приезда Василия Павловича.

Наконец, послышалось тархтение и, выдавший виды ГАЗик, выполз по грязной дороге на поляну и остановился у самого крыльца. Участковый с недовольным видом вылез из кабины, заглушив двигатель. Выглядел он весьма браво в милицейской форме, но вид имел недовольный. Еще бы! Я его очень хорошо понимала. Если бы кто-то разбудил меня в три часа ночи, не знаю, какой бы я имела вид. Думаю, чтобы к такому виду, я бы добавила пару, тройку крепких выражений.

– Ну, показывай, что тут у тебя за покойник. – Ворчливо пробурчал Василий Павлович.

Я с готовностью схватила фонарь и повела его к малиннику. Он шел за мной и продолжал бурчать.

– Викторевна, если ты меня напрасно потревожила, то я тебя на трое суток закрою, чтоб другим неповадно было.

Я только усмехнулась про себя.

– Чего ты, Палыч. Я что, порядка не знаю?

Тем временем, мы подошли к тому месту, где лежал обнаруженный мною труп мужчины, прикрытый куском брезента. Я сдернула ткань, а Павлович выдохнул:

– Ё- моё – И добавил еще пару выражений, которые в словаре великого русского датчанина Даля назывались коротким словом «мат», сдвинув фуражку на затылок. – Надо бригаду с района вызывать. Ты тут ничего не трогала? – Спросил сурово, напуская на себя вид блюстителя порядка.

Строгий вид ему так же шел, как мне, в данной ситуации, веер из страусовых перьев. Усы у него встопорщились. И сейчас, он больше напоминал перепуганного кота, которому на голову упал горшок со сметаной.

– Нет, ничего не трогала. Как нашла, сразу в деревню поехала.

– А он вчера тут лежал? – задал он мне, на мой взгляд глупый вопрос.

– Нет, вчера его тут не было. Мои звери его только сегодня почуяли. – Вздохнула я тяжело.

Участковый развернулся и легкой трусцой побежал к машине. Схватил рацию и начал вызывать дежурного в районе. Рация шипела, хрипела, но внятных ответов не давала. Он минут двадцать тренировался с ней. Наконец, до дежурного дошла информация, и Палыч с облегчением выдохнул. А я тем временем, старалась внимательно рассмотреть следы. Не мог же он свалиться с неба, в конце концов. Кто-то должен был его притащить сюда, или он сам должен был дойти, чтобы умереть здесь. Все это было по меньшей мере, странно. Следов, которые бы указывали, что кто-то прошел сквозь кусты, не было. Меня это сильно озадачило. Не скажу, что я была уж таким ярым следопытом. Но, зверя выслеживать приходилось. Очень мешало то обстоятельство, что свет от лампы не позволял рассмотреть все как следует. Надо было дожидаться рассвета. Я опять прикрыла мертвеца брезентом, и пошла к дому.

– Палыч, пойдем, чаю попьем с пирогами. Все равно ждать, когда из района явятся. Чего ж на улице то торчат. Пойдем. – махнула я ему рукой.

«Чапаев», что-то бурча под нос, поплелся по направлению к дому.

Печное тепло приятно окутало меня, когда я переступила порог. И я, некстати, подумала, что, неплохо так возвращаться в дом, где тебя ждут и пахнет березовым дымком и печеными пирогами. Айра кинулась к моим ногам. В умных глазах, обращенных ко мне, казалось, был вопрос. На ее немой взгляд я ответила:

– Не знаю, милая. Ничего не понимаю. Ну, да, милиция во всем разберется.

Волчица тяжело вздохнула. Как будто, говорила: «Ну, да. Они то разберутся. Жди дождя.» Я потрепала ее между ушами.

– Нельзя быть такой пессимистичной, дорогая. Надо всегда надеяться на лучшее.

Айра затрясла головой, как бы говоря: «Ну, ну ...», и ушла за печку, откуда периодически, настороженно поглядывала на меня.

Топая сапогами, в дом вскоре вошел участковый. Скинул на лавку около двери дождевик, и с интересом огляделся. Как-то неопределенно хмыкнул и скромненько уселся на краешек скамейки за столом.

– Как погляжу, хозяйственная ты девка, Викторовна. Все у тебя ладно и складно, хоть и молодая ты, и по виду городская совсем. А чего ж не замужем?

Я про себя аж плюнула в досаде! Они что, все сговорились?! Далось им мое замужество!!

– А, я не тороплюсь. Успею еще. Ты вон пироги бери, да чай. Из трав заваривала.

Палыч обзрев мой стол, крикнул и, пряча глаза, спросил.

– А, покрепче у тебя ничего нет? Вчера у кума маленько погулял лишку. Голова раскалывается.

Я с улыбкой пошла в сени и принесла бутылку клюквенной настойки, которую делала сама. Налила пол стакана и подала участковому. Он одним махом опорожнил стакан и прикрыл глаза. Блаженная улыбка озарила его лицо, и он прошептал:

– Я ж и говорю, хозяйственная ты ...

Посидев еще немного в такой позе, он вдруг встрепенулся. Видно, вспомнил, по какой причине оказался у меня в гостях. Брови вновь сошлись у переносицы, усы сердито встопорщились.

– А, скажи-ка мне, Викторовна, чего этот, – Он мотнул головой куда-то в сторону, – Чего он, пришел к тебе?

Я от такого поворота дела аж икнула.

– Да ты никак сдурел совсем? Куда он пришел ко мне?! Да, я его первый раз в жизни вижу! Если бы не Матильда с Айрой, он бы там до весны пролежал! Я тут еще и полгода то не прожила, откуда же мне такими знакомцами обзавестись?! – И я грозно глянула на Палыча, а Айра зарычала тихонько из-за печи, почувствовав мои эмоции.

Он как-то сразу весь съёжился, испуганно покосился за печь, откуда выглядывала волчица, и замахал руками, как будто пытаюсь отмахнуться от меня.

– Ты чего, Викторовна? Я ж ничего ТАКОГО не имел в виду. Так спросил, чтоб разговор поддержать, так сказать. Сейчас эти, с района приедут. Им же что-то объяснять придется. А я и не знаю, что говорить даже. Я ж его тоже первый раз в глаза видел! И откуда он только взялся на мою голову!!! – Сокрушенно закончил он.

Я милостиво кивнула, мол, чего уж там, меж своими всякое бывает. И мы с ним вместе закручинились. Через минуту, я подала голос.

– Думаю, как светлее станет, ты должен пойти и место преступления, так сказать, осмотреть. Начальство приедет, а ты им уже все и доложишь.

Он обрадованно закивал головой и налег на пироги.

Глава 12

Бледное рассветное солнце нехотя выглянуло из-за горизонта. И лес вокруг покрылся прозрачной влажной кисеей, просыпаясь под его неяркими лучами. Палыч, задремавший было на скамейке и, разморенный теплом, сытной едой и, главное, клюквенным настоем, вскинулся, когда я собралась выскользнуть из дома.

– Ты куда, Викторовна?

– Хочу Матильде овса насыпать. – Попыталась слукавить я.

Он тяжело поднялся со скамьи.

– Ага, овса, рассказывай мне ... А, то я не вижу, куда ты намылилась. За дурака то меня не держи. – Заворчал он. – Вместе пойдем.

Он надел фуражку и затопал на выход. Айра вопросительно глянула на меня из-за печи. Я отрицательно помотала головой. И волчица с тяжелым вздохом улеглась обратно на подстилку.

Малинник в утреннем свете выглядел вполне невинно и прозаично. Но, мне пришлось напомнить себе, что там, в зарослях колючих кустов лежит покойник.

Когда мы подошли, Палыч сразу вспомнил, что он при исполнении обязанностей.

– Ты тут не топчись. – заворчал он. – Постой в сторонке. Не бабьего ума это дело. Сейчас вот товарищи из района приедут, они во всем разберутся. А ты свой нос не суй!

Не обращая внимания на его ворчание и грозный вид, я подошла к умершему и присела на корточки, стянув с него брезент.

– Палыч, смотри. У него ногти все сломаны, а под ними земля. Как-будто, он из какой ямы выбирался, землю скреб. – Ткнула я пальцем на руки мертвеца.

Участковый, видя, что ни его серьезный вид, ни его нравоучения не возымели на меня никакого действия, махнул рукой и проворчал себе под нос:

– Вот, отчаянная баба! – А потом обращаясь ко мне. – Ты что, не боишься, что ль, ничуть? Я неопределенно пожала плечами.

– А чего его бояться? Он же мертвый, не кусается. Живых бояться надо.

Затем встала и стала, аккуратно ступая, обходить его слева, пытаюсь проследить следы, откуда он явился. Участковый, все это время пристально разглядывая умершего, моих маневров не заметил. Это позволило мне обнаружить следы одного человека. Быстро кинув взгляд на обувь лежащего, можно было сделать вывод, что он сам дошел сюда. А потом уж упал и умер. Кусты малины были обломаны, и на влажной земле виднелись четкие отпечатки его ботинок. Но, вопрос, откуда он пришел, по-прежнему, был актуальным. Не мог же он по тайге в таком состоянии долго передвигаться? Или мог?

Продираясь сквозь колючий кустарник и не обращая внимания на царапины, я пошла по его следу. Точнее, где-то в полуметре от его следов. Через несколько метров я чуть не споткнулась о камни. Приглядевшись повнимательнее, я поняла, что это, видимо, был фундамент сгоревшей Игнатовой заимки. Он основательно зарос травой и покрылся мхом. Поэтому я и не смогла разглядеть его сразу. Перешагнув через него, я, осторожно ступая, пошла дальше. Тут, Василий Павлович, наконец заметил мои передвижения. Он замахал руками, как ветряная мельница, и закричал:

– Стой!! Куда тебя понесло!! Вот шальная баба! Все следы затопчешь!!! Вот где чистое наказание!!! Вот потому-то, тебя и замуж никто не берет!!! Кто ж с такой справится?!

Я отмахнулась от него. Охотничий азарт уже проснулся. Сейчас меня смогла бы остановить только противотанковая граната.

– Чего ты орешь, как потерпевший? Видишь же, я аккуратно, стороной иду. – Продолжая двигаться маленькими шажками, ответила я.

Проломанные кусты малины привели меня к левому углу бывшего дома. Кстати сказать, довольно большого. Прямо в углу зияла квадратная дыра. Вокруг нее были разбросаны большие камни и поломанные, наполовину прогнившие, доски. Я замерла, открыв рот. Потом огляделась вокруг. Следы вели именно от этой ямы. Дальше стояли нетронутые заросли малины. Получалось, что наш покойник выбрался из старого погреба, сожженного почти семьдесят лет назад дома?! Да, это была загадка, которую я вознамерилась разгадать.

Я уже было совсем собралась залезть в этот погреб, как обратила внимание на нашего участкового. Он усиленно размахивал руками, пытаясь привлечь мое внимание. Когда он увидел, что ему это удалось, он с остервенением начал тыкать пальцем в сторону дороги. Увлечшись, я не услышала гула мотора, приближающейся машины. Видимо, бригада следователей из района была на подходе. Я запрыгала козочкой в обратном направлении, и вскоре стояла рядом с Палычем с видом невинной овечки, сосредоточенно разглядывая носки своих ботинок.

Вскоре из-за деревьев показался голубой бок УАЗика, и шофер, выскочив на поляну, лихо затормозил за ГАЗиком участкового. Видя, кто выходит из машины, я затосковала, и обреченно подумала, что мне сегодня не везет. А Василий Павлович с придыханием выдал:

– О!!! Начальство само пожаловало. Видать, дело будет серьезным. – Поднял он указательный палец вверх.

– Палыч, может я пойду? – Заканючила я. – А, ты тут уж сам, без меня разберешься, а, Палыч?

– А ну стоять!!! Я тебе дам, сам разберешься!! – Сурово нахмурившись зашипел он. – Кто труп нашел? Тебя опросить обязаны! Так что стой и жди!

Я не отступала.

– Так, опрашивайте. Я ж никуда не денусь. Дома буду. Чего мне здесь стоять. Пойду я, ладно? – Продолжала я изображать из себя сироту.

Участковый в это время одергивал китель, поправлял фуражку, готовясь при всем параде встретить начальство. Воспользовавшись моментом, я потихонечку улизнула. Задами обошла мой дом и тихо проскользнула на крыльцо. Только, оказавшись внутри, я с облегчением выдохнула. Встречаться с Володей мне очень не хотелось. И я надеялась, что опрос свидетелей не входят в его должностные обязанности. Но, я понимала, как были хрупки мои надежды.

Часа через два раздался стук в дверь. Я громко ответила «открыто» и приготовилась к встрече «гостей». Дверь открылась и через порог перешагнул крепкий мужичок лет за сорок. Ранняя побудка никак не сказалась на нем. Румяные щеки и лукавый взгляд выдавал в нем весельчака. Наверняка, в шумных компаниях он был их душой. Зайдя, он быстро оглядел дом цепким взглядом. Потом посмотрел на меня.

– Здравствуйте. Я следователь Пиреев Иван Петрович. А вас ...?

– Я Ольга Викторовна Сазонова. Местный егерь.

Брови у него слегка приподнялись. Но, он не высказал вслух своих эмоций. Мне понравилась его сдержанность. Тут я вспомнила, что мне положено быть радушной хозяйкой и пригласила его присесть. С ласковой улыбкой, я предложила ему чая с пирогами. К моему удивлению, его не перекосило от моего ласкового оскала. И он с удовольствием принялся уплетать пироги. Насытившись, он смущенно пояснил:

– Простите. Вытащили из постели, позавтракать не успел. А у вас так пироги вкусно пахнут ...

Я чуть пожала плечами.

– Да, лишь бы на здоровье. Пирогов много.

Он откашлялся, и приступил к официальной части.

– Участковый рассказал, что это вы нашли умершего. Расскажите, как это произошло. – И уставился на меня умными глазами.

Я коротко поведала ему об этом событии, не увлекаясь и не высказывая своих соображений. А они у меня были. Но, я посоветовала себе не торопиться и не лезть с умными мыслями.

– Вам был знаком этот человек?

Я помотала головой.

– Впервые его видела. Я тут не так давно. Живу на кордоне. Я и деревенских не всех в лицо знаю.

Пиреев хитро прищурился, пытаясь изобразить проницательность.

– А вам не страшно здесь одной? Молодая женщина, работа такая ... хм-м ... неподходящая. Да еще и живете одна, на отшибе. Мало ли что?

Я смерила его холодным взглядом.

– А, собственно, какое это отношение имеет к вашему делу? – Мой тон мог бы заморозить не одну тонну рыбы, или мяса, к примеру.

Улыбка сползла с его лица. И он грустно заметил.

– Конечно, вы правы. Отношения к делу это не имеет. Извините, мне не стоило ... В общем, это не мое дело. Простите, ради Бога, если обидел.

Он имел такой покаянный вид, что мое раздражение сразу куда-то улетучилось. И я пробормотала:

– Да, ничего страшного. Просто, меня уже замучили подобными вопросами.

Потом, я решила воспользоваться его раскаянием и задала вопрос:

– А отчего он ... – Я попыталась подобрать корректное слово. – Скончался?

Следователь проницательно посмотрел на меня. Слегка улыбнулся.

– Это определит вскрытие и экспертиза. Но, на первый взгляд, сердце не выдержало. Сильное истощение, многочисленные побои в течении длительного времени. Его держали в кандалах. Похоже, пытали. Конечно, это, так сказать, тайна следствия. Но, вы же нашли его. А девушка вы, как бы это сказать, проницательная. Поэтому, я не раскрываю вам страшной тайны.

Ободренная такой речью, я было открыла рот, чтобы задать очередной вопрос, но тут дверь открылась и вошел Владимир Дмитриевич. Я аж зубами скрипнула. Майорские звезды сверкали на его погонах в слабых лучах солнца, проникающих в небольшие окошки дома. И вообще, он имел бравый вид, хоть сейчас на парад. Ранняя побудка никак не сказалась на нем. Я тяжело вздохнула. Он сделал строгое лицо и обратился к следователю.

– Ну, что тут у нас, Иван Петрович?

Следователь суетливо начал ему объяснять:

– Да, собственно, мы уже закончили. Ольга Викторовна, распишитесь под протоколом. Вот здесь, и здесь. – Ткнул он пальцем в листки. – «С моих слов записано верно и мною прочитано», ну и подпись поставьте.

Я послушно написала требуемое, поставила закорючку своей подписи. Володя стоял и хмуро наблюдал за нашей суетой. Иван Петрович собрал со стола бумаги. Начальство опять, сурово хмуря брови, заговорило:

– Труповозку уже вызвали. Скоро будут. Проследите за всем там, пожалуйста.

– Конечно, Владимир Дмитриевич. А как же. Не волнуйтесь. – И он стал пробираться мимо Володи к выходу.

Когда он достиг дверей, и начальство не могло его видеть, Иван Петрович мне лихо подмигнул, как будто говоря мне: «Мы то знаем, что он не такой уж и строгий. И мы его совсем не боимся». Я слегка опешила от такого, но постаралась не подать вида. Володя продолжал хмурить брови. А я затосковала, понимая, что общения не избежать. Когда дверь за следователем закрылась, он заговорил. В голосе слышалось недовольство:

– Как ты умудрилась во все это вляпаться?

Я сочла вопрос риторическим и промолчала, ожидая, что будет дальше. Не дождавшись от меня ответа, он продолжил:

– И что у тебя за стремление к мазохизму? Тебе совсем не обязательно жить одной в этой глуши. Я могу поговорить с директором, и он организует тебе жилье в деревне.

Я раздвинула улыбку на возможную ширину.

– А мне здесь нравится. Если мне потребуется твое мнение, я обязательно спрошу его.

Конечно, он знал мой характер, поэтому нахмурился еще больше, хотя, казалось, куда уж больше.

– Ты не думаешь, что подвергаешь свою жизнь опасности, живя здесь? И что это здорово напрягает?

– Кого это напрягает? – Продолжала скалиться я.

Он опять посмотрел на меня. В глазах застыла мука. Мне сразу же расхотелось продолжать этот разговор, и я постаралась его закончить. Уставшим голосом я проговорила.

– Я живу так, как считаю нужным. Не думаю, что у тебя есть право указывать мне, что и как я должна делать. Тема закрыта. Если, у тебя есть, что сказать по сути дела, говори. Если нет, то я пошла.

– Куда ты пошла? – Удивленно вскинул брови он.

– Вообще-то, я здесь работаю. И мне пора на обход. – Не удержавшись, добавила ехидства в голос я.

Он сделал шаг ко мне и протянул руку, собираясь взять меня за плечо. Он даже успел произнести первое слово фразы, которую собирался сказать.

– Послушай ...

Голос прозвучал чуть резче. И тут ему под ноги вылетела Айра. Своим безупречным звериным чутьем, она почувствовала мое состояние, и кинулась на защиту. Припав слегка на задние лапы, она грозно зарычала. Шерсть на загривке стала дыбом, нос сморщился, обнажая довольно устрашающие клыки. Не ожидая такого, Володя сделал несколько шагов назад и схватился за кобуру. Наткнувшись на лавку, стоящую позади него, он, не удержав равновесия, плюхнулся на нее. Воспользовавшись ситуацией, я схватила карабин, и кивнув волчице, выскочила из дверей. На ходу скороговоркой проговорила:

– Пироги на столе, чай на плите. Угощайтесь. – И хлопнула дверью.

Следовательно, увидев, что я бегу по направлению к сараюшке, громко крикнул:

– А где Владимир Дмитриевич?

Уже сидя в седле, я с усмешкой прокричала в ответ:

– Пироги остался есть!

Пришпорила Матильду и поскакала в лес. Впереди меня неслышной тенью скользила Айра.

Глава 13

Я ехала по лесу, вдыхая густой осенний воздух, пахнувший прелой листвой, хвоей, дождем, с едва уловимым горьковатым привкусом грусти. Айра скользила по подлеску едва заметной тенью. Матильда, все еще плохо привыкшая к запаху волчицы, иногда всхрапывала и, нервно переступая, косила глазом в ее сторону. Я стала уговаривать лошадь, поглаживая по влажной шкуре на шее.

– Ну, чего ты, девочка? Успокойся. Айра же своя. Она не причинит тебе вреда. Наоборот, защитит, если потребуется.

Кобыла слушала меня, успокаивалась и тихонько всхрапывала в ответ. Мы проехали к реке. Я расседлала Матильду и отпустила ее пастись. А сама, расстелив брезентовый дождевик, улеглась под разлапистой елью. Дождь перестал моросить. С каждой хвоинки свисала маленькая капелька влаги, в которой отражался и переливался кусочек неба. Бессонная ночь и волнения давали о себе знать. Мысли были ленивые и вязкие. Конечно, я думала о Володе. Боль, поселившаяся в груди, как холодная змея, разматывала свои кольца, вызывая щемящую тоску. Открыв глаза, громко сказала:

– Я больше никуда не побегу!

Маленькая птичка, испуганная моим голосом, вспорхнула с ветки, осыпав мне на лицо мелкие капли влаги. Принятое решение всегда приносило мне облегчение. Боль отступила. И я впервые подумала об этом месте, как о доме. Мне стало спокойно на душе. Я улыбнулась и закрыла глаза. Сквозь дремоту, слышала, как переступает копытами Матильда, хрумкающая позднюю осеннюю траву. Мне под бок забралась Айра, и улеглась, положив голову на мои ноги. Согретая ее теплом, я незаметно для себя провалилась в сон.

Темные стены подземелья поглощали свет от фонаря. Маленький язычок пламени дрожал от потоков воздуха, и грозился совсем потухнуть. Наверное, в лампе заканчивался керосин. Молодой мужчина тащил за руку по сырому коридору перепуганную девушку в изодранном и грязном, когда-то белом платье. Волосы ее совсем растрепались и сейчас, покрывали плечи и спину, как черный атласный плащ, почти до пят. Она совсем выбилась из сил, и спотыкалась на каждом шагу. Я чувствовала ее страх и усталость. Мужчина беспрестанно оглядывался. Иногда, останавливался и замирал, чутко прислушиваясь к звукам. Но, кроме тяжелого дыхания обоих, капающей воды, да шуршания мелких камушков, осыпающихся с земляных стен коридора, не было слышно ничего. Вроде бы, успокаиваясь, он продолжал тащить свою спутницу дальше. Вот, коридор слегка расширился, стало немного суше. Потолок подпирали деревянные рудничные стойки, кое-где поросшие грибами и затянутые плесенью. Молодые люди вышли в рудник. Здесь парень почувствовал себя спокойнее и увереннее. Как видно, дорогу из рудника он знал достаточно хорошо. Он с улыбкой обернулся к своей спутнице, но, увидев ее изможденное лицо и потухший от страха и усталости взгляд, нежно ее обнял. Затем, выбрав место посуше, скинул с себя кафтан, расстелил его на земле и усадил девушку на него. И тут, земля вздрогнула от взрыва, балки заскрипели и зашатались, стали крениться и падать. Земляной потолок стал отваливаться большими пластами. Парень встал соляным столбом, замерев от ужаса, а девушка, прикрыв голову руками, громко и страшно закричала.

Этот крик отдался эхом в моей голове, и я проснулась, заполошно вскочив на ноги. Айра, перепуганная резким движением, заметалась у моих ног, а потом задрал морду к небу протяжно завывала. В ответ на ее вой, Матильда испуганно заржала и встала на дыбы. В первый момент я даже не поняла, где я нахожусь. Сон и явь плотно переплелись в моем сознании. Сон был настолько реальным, что я до сих пор ощущала в носу затхлый воздух подземелья и страх, оказавшейся там девушки. Сердце выбивало барабанный ритм, грозя выскочить из горла. Вой Айры и ржание Матильды привели меня в чувство. Я вздохнула с облегчением, потерев лицо

руками. Слава Богу, это был всего лишь сон! Спустилась к реке и плеснула ледяной водой себе в лицо. Это окончательно привело меня в чувство, прогнав наваждение.

Судя по солнцу, спала я всего ничего, может быть, минут тридцать. И, отдохнувшей себя совсем не чувствовала. Что за странные сны мне снятся?!

Всю дорогу до дома я думала об этом сне. Было такое ощущение, что мне пытаются что-то сказать, или о чем-то попросить. Только, я по бестолковости своей никак не могла этого понять. Хотя, смутные догадки, где-то витали на краю сознания, но в руки пока никак не хотели даваться.

Подъехав к своей поляне, я остановилась на самой опушке под пологом леса, и осторожно выглянула из-за дерева. Поляна была пуста. Милиция уже уехала. Я, вздохнув с облегчением, спокойно поехала к дому. Айра где-то отстала по дороге. По-видимому, отправилась на охоту. Я расседлала Матильду и отпустила ее пастись на поляне, а сама направилась к, притягивающему меня своей чернотой, проему погребца, из которого вылез умерший человек.

Вокруг все было истоптано множеством ног, и повсюду виднелись следы от шин. Покойника, само собой, увезли. Я быстро побежала в дом. На столе лежал маленький букетик поздне-осенних лесных цветов. Я только хмыкнула про себя. Схватила «летучую мышь», взяла спички и кинулась обратно к погребу. Запалила фитиль и стала осторожно спускаться вниз по шатким, кое-где прогнившим доскам лестницы. Фонарь давал совсем мало света. Но, в закрытом пространстве погреба, его было вполне достаточно, чтобы рассмотреть окружающее пространство.

Это было довольно просторное помещение. Фундамент был сложен из больших серых камней, и даже сейчас, по истечении стольких десятков лет, выглядел вполне крепким и прочным. Умели, все-таки, наши предки строить. Затхлости здесь не чувствовалось. Только кое-где, с потолка просачивались капли воды, скопившейся после дождя. С одного бока, вдоль одной стены, стояли деревянные полки, покрытые толстым слоем пыли и паутиной. Когда-то на них, видимо хранили запасы на зиму. С другой стороны стояли набитые из прочных досок и сохранившиеся до сих пор, лари для корнеплодов. А прямо напротив лестницы в ряд стояло несколько больших деревянных бочек, разохшихся от времени. Хотя, если бы к ним приложить руки, они могли бы еще послужить, так как сработаны были из добрых дубовых досок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.